84(2Р-4Чел)16
У 47

Н. Н. Уланов

Приоткрытая душа

ИТЧ 84/2Р-4Н/6
У-47

Н. Н. УЛАНОВ

ПРИОТКРЫТАЯ ДУША

Юморески. Рассказы. Стихи

-47308-

Кемерово
Кузбассвузиздат
2005

Прокопьевская районная ЦБС Кемеровской обл.

ББК 84Р7-4
У47

Уланов Н. Н.

У47 Приоткрытая душа: Юморески. Рассказы. Стихи / Н. Н. Уланов. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – 116 с.

ISBN 5-202-00798-1.

ББК 84Р7-4

ISBN 5-202-00798-1

© Уланов Н. Н., 2005
© Издательство «Кузбассвузиздат», 2005

ОТ АВТОРА

Стихи – моя стихия. Когда я пишу, то забываю, как меня зовут. Конечно, я чуть-чуть утрирую, но в основном – это так. У каждого человека есть свое хобби. Кто-то собирает монеты, кто-то коллекционирует марки, а я слагаю строки. Это так интересно, что в двух словах не объяснишь.

Из многочисленных высказываний выдающихся мыслителей и писателей о величии русского языка мне запомнились слова М. В. Ломоносова: «Русскому языку присущи великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого и нежность итальянского языков». А. С. Пушкин был глубоко убежден в том, что «язык славянорусский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими». Я убежден со школьной скамьи, что русский язык – это язык великого народа.

Безусловно, наш язык очень колоритный, гибкий, могучий и живой. Однако он не только обновляется и становится богаче, но и, к сожалению, засоряется. Ненормативную лексику используют даже дети. В средствах массовой информации сегодня выдают такое, что уму непостижимо. Складывается впечатление, что многие люди живут по воровским понятиям, а общаются между собой на воровском жаргоне вперемежку со сквернословием.

Приобщение к прекрасному требует усилий. Надо воспитывать привычку у молодого поколения хотя бы уважать то, что имеем. А у нас богатое наследие. Поэтому мы можем повести за собой не только молодежь в постижении тех нравственных и эстетических ценностей, которые заложены в произведениях известных мастеров художественного слова, но и всех людей.

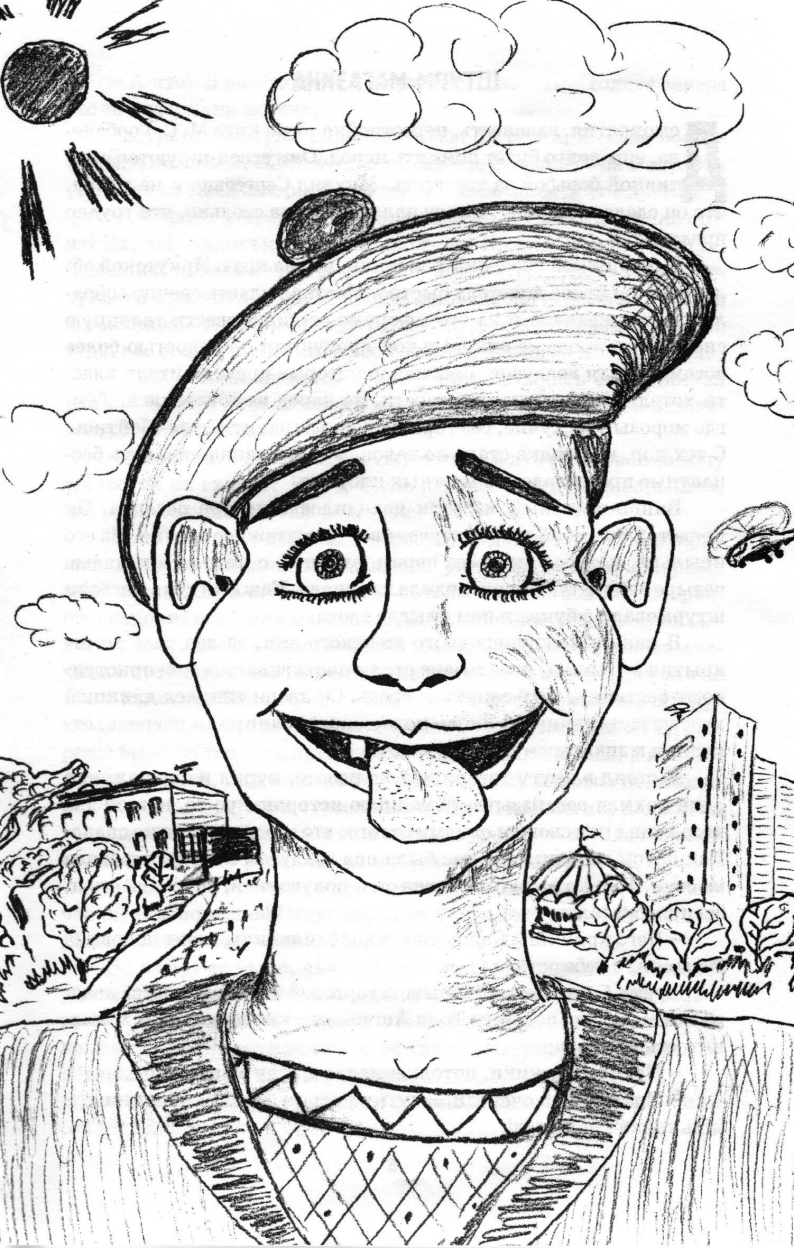
В своих творениях я не следую какой-либо идеологии и не ставлю перед собой общественные задачи по воспитанию кого-либо, но хочу, чтобы мой язык и литературное мастерство оценили читатели. Я варюсь в собственном соку, и мне трудно судить самого себя. Используя свой багаж знаний, который накопил с жизненным опытом, я только предпринимаю попытку утвердиться на ли-

тературном поприще. Кому не хочется испытать себя, прощупать силы и сделать выводы?

В этой очередной книге присутствуют разные литературные жанры. В ней я попробовал с читателем пообщаться прозой. Но считаю, что стихи – главное в ней. Поэзию по праву называют языком богов. Она грубую человеческую речь превращает в воздушную музыку. Но не всякий пишущий – поэт. Чтобы создавать мелодию слов, надо обладать собственным голосом и хорошим слухом, а также владеть техникой стихосложения. Остальное, считаю, придет с опытом.

Самое трудное дело – издать свои произведения. Еще трудней – распространить литературу. Нужна реклама. К тому же стихи мало кого интересуют. Сейчас в моде детективы и эротика. Хочется верить, что эта мода быстро пройдет.

Хочу выразить слова признательности главному спонсору Н. Н. Полтавскому, вдохновителям Ю. Г. Мосину, Г. В. Маслову, А. В. Учителю, С. Г. Иткулову, А. С. Паровину, Г. Ф. Анисимовой, Н. М. Карпову, В. И. Ситникову, Н. М. Шарифову и многим другим людям, которые, хотя косвенно, помогли мне или поддержали в моем начинании. Спасибо!

ШТУРМ МАГАЗИНА

Демократия, гласность, перестройка – три кита М. С. Горбачева, еще долго будет помнить народ. Они ассоциируются с активной борьбой за трезвость. Михаил Сергеевич и не думал, что он сделает ошибку. Внизу наломали дров столько, что трудно представить.

В старинный поселок Кропоткин, что на краю Иркутской области, директива долетела быстро. Местная власть срочно собрала сходку жителей и на этом форуме решила: ввести талонную систему по продаже алкогольной продукции с крепостью более восемнадцати градусов. Вообще, некоторые представители власти хотели сделать зону трезвости, но народ не согласился. Там, где морозы трескучие, без горячительных напитков не обойтись. С тех пор, как водка стала по талонам, у магазина начались бесплатные представления местных клоунов.

Винно-водочный магазин находился в центре поселка. Он представлял собой старое деревянное одноэтажное здание. На его крыльце, которое было без перил, высотою с метр, а площадью четыре квадрата, и происходила клоунада. Каждый день магазин штурмовали в буквальном смысле слова.

В канун Международного женского дня, за два часа до открытия магазина, посельчане стали подтягиваться к неприступному бастиону, чтоб занять очередь. От двери тянулся длинный хвост счастливчиков. Вновь подошедшие занимали очередь, отходили к знакомым и вели беседы.

Я стоял в кругу товарищей по работе, курил и слушал, как один хохмач рассказывает смешную историю про то, как он два часа ходил под своими окнами оттого, что его жена крепко спала. Как потом выяснилось, она была под градусом и не реагировала на стук. Только на ругань мужа она, полусонная, впустила его и, зевнув, сказала:

– Чего кричишь, Саша, там, в холодильнике, стоит половина бутылки, я тебе оставила.

Время близилось к открытию торговой точки. Минут за двадцать к магазину подошел Толя Ашуркин – кропоткинская знаменитость и балагур.

– Ну, что, мужики, потолкаемся, – с ходу выпалил он.

– Иди в конец очереди, – чуть не хором заорали женщины, – ишь толкач нашелся!

– А что? Я еще могу, – отпарировал он. – Приходите завтра все за подарками ко мне.

Ашуркин был уже навеселе, глаза блестели, а седая борода торчала метелкой. Шапка-ушанка еле-еле держалась на макушке, уши шапки были завернуты вверх, но не связаны друг с другом.

– Обратите внимание! – продолжил он. – Какая девушка стоит! Ух, ты, махонькая! А как сложена! Ножки от ушей растут. С девицей такой я не прочь и в снегу поваляться. Дай я тебя поцелую, – и протянул руки. Девушка покраснела, вышла из очереди и удалилась. Ашуркин, видать, на это и рассчитывал, подошел туда, где стояла девушка, и всем заявил, что он за ней занимал.

– Как тебе не стыдно, Толя? – стала стыдить его пожилая дама. – Завтра наш женский день, хоть сегодня прояви вежливость и деликатность.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся Ашуркин, – а кто голосовал за зону трезвости на сходке? Вон в числе первых стоит одна барышня, две руки поднимала, сам видел. Все зло от вас.

Тем временем, пока шла перепалка, дверь магазина открылась и неуправляемая масса людей ринулась к входу. Первых волной отнесло в сторону, а те, которые оказались порасторопнее, находились уже в магазине. Ашуркин тоже успел воспользоваться ситуацией, только потерял шапку, и его седая голова маячила в проеме. Рядом с ним, вцепившись за косяк рукой, стоял на краю крыльца Саня Ершов. Все хотели быть первыми. Вокруг крыльца образовалось столпотворение, и началась давка. Со стороны было видно, как левый фланг поджимал правый, а правый фланг – левый, тыл тоже не уступал, поэтому высотка переходила от одних к другим штурмовикам. Люди, как кегли, падали на головы тем, кто находился еще на подступе. Чуть лучше положение было тех, кто успел за что-нибудь уцепиться.

– Отцепись от меня, – кричал кому-то Саня Ершов, – ты сейчас штаны порвешь! Отцепись, а то в ухо получишь! Да ты что, ублюдок, себе позволяешь?

Но не тут-то было, чья-то рука крепко держала за брючный ремень горемыку. А тем временем в магазине многие люди отоварились и начали прорываться к выходу. Волнение толпы возобновилось. В этот раз пряжка на ремне не выдержала и сломалась. Штаны сползли до пят, оголив зад.

– Ну, все теперь, – умирая от смеха, сказал кто-то, – Саня сойдет с дистанции.

– Я думаю, это не тот парень, чтоб из-за такого пустяка отказаться от поставленной цели, – сказал другой свидетель сцены.

– А кто с него портки стянул? – спросил один драгер.

– Да вон тот субъект в фуфайке и ватниках, что пытается на четвереньках пробиться к двери, – ответили ему.

– Ба! Да это Рая сопливая, которая по поселку бутылками промышляет. Вот таран! Смотрите, как настойчиво лезет. Сейчас еще с кого-нибудь штаны снимет.

Толпа опять заволновалась. Из магазина стали выходить счастливчики, и я, попав в струю, очутился на крыльце, где еще недавно стоял Саня Ершов. Правда, меня его участь обошла стороной, бастион был мной взят, только двух пуговиц на полушубке не досчитался.

МЯГКАЯ ПОСАДКА

Семен Иванов был по гороскопу Рак, и когда разговор заходил об этом, он заявлял: «А у меня в жизни действительно все наоборот. Был в районе Крайнего Севера на заработках и вместо машины привез жену. Все мои друзья едут в отпуск на юг, я отправляюсь с женой к ее родителям на север».

В очередной раз Семен с женой и с уже трехлетним сыном снова отправились в отпуск по известному маршруту. Из Новокузнецка, через Иркутск, они прибыли на самолете в один маленький городишко, не добравшись до места каких-то триста километров.

Провинциальный город с необычным названием Мама приютил семью на ночлег. Устроившись в двухместном номере, Ивановы позвонили на речной вокзал. Они мечтали проделать остаток пути по воде и посмотреть таежные красоты, но увы – пароходы по какой-то причине не ходили.

Рано утром семья Ивановых отправилась пешком к аэропорту, который находился на большом расстоянии от гостиницы. Глава семьи с рюкзаком за спиной, чемоданами в руках и сынишкой на шее сетовал на жену за то, что она взяла так много вещей в дорогу. Ей тоже было не легче, она тащила баул и увесистую сумку.

Сделав марш-бросок за полчаса, семья Ивановых присела на скамейку в скверике у аэровокзала. Через некоторое время стали подходить пассажиры, которых можно было безошибочно определить по ручной клади. Среди них была пожилая дама внуши-

тельных размеров. В разговоре с ней Семен выяснил, что она тоже летит в Бодайбо и что время отлета – 10 часов.

За 15 минут до вылета все пассажиры заняли места согласно купленным билетам. Салон самолета АН-2, который в народе прозвали «кукурузником», был полупустой, и та самая дама внушительных размеров не захотела тесниться рядом с молодым человеком, перешла на отдельное сиденье. Зашторив иллюминатор от солнца, она, как амеба, расплылась по сиденью, откинулась на спинку и закрыла глаза.

Самолет вырулил на взлетную полосу и встал на старте. Взревел на полную мощность двигатель. Летчик через открытую дверь кабины посмотрел в салон, убедившись, что все в порядке, что-то сделал, и машина резко сорвалась с места. Сиденье под тучной дамой не выдержало и рухнуло назад.

– Падаем! Падаем! – стала в панике кричать женщина, – Боже, я еще пожить хочу!

– Да успокойтесь, женщина, – крикнул пилот, – мы еще не взлетели.

Женщине помогли подняться и присесть в другое место. Но она еще долго не могла прийти в себя, глядя на всех испуганными глазами, не понимая, отчего все смеются. Хорошо, что обошлось без ушибов и синяков – посадка была мягкая.

МИСТИКА

Прохладное утро окутало золотодобывающий поселок Кропоткин. Люди, как обычно, шли на работу. Продавец продуктового магазина тоже вышла из дома и побрела открывать свое заведение. Она поднялась на крыльцо магазина и, взглянув под ноги, опешила: прямо на середине крыльца лежала каралька дерьма внушительных размеров. У нее округлились глаза, мелькнула мысль, что здесь мог нагадить только великан.

В это время мимо проходил директор прииска. Продавец Гудкова окликнула его и попросила подойти.

– Что случилось, Вера Петровна?

– Вот полюбуйтесь, Николай Иванович, кто-то по большому делу сходил на крыльцо. Но что удивительно – это мог сделать только человек недюжинного роста.

– У нас в поселке нет таких.

– А может, это снежный человек? Сейчас много пишут об этом.

– Гм, да, задача...

К магазину подошла директор продснаба. Она достала из футляра очки, надела на нос и приблизилась к объекту внимания.

– Какая гадость, – сорвалось с языка новой свидетельницы увиденного, – надо сообщить участковому, пусть разберется.

Всю неделю по поселку ходили слухи, что снежный человек приходил ночью в магазин, ограбил его и нагадил под дверь. Но участковый не верил в мистику и за это время вычислил хулигана, которого пригласил на беседу.

В назначенное время в кабинет грозы поселка постучал белокурый парень.

– Разрешите войти? – скромно спросил он.

– Входи, входи Махонин! Давно с тобой не встречались. Пока присаживайся, а там видно будет, может, лапти сплетем.

– Какие лапти?

– Значит посадим. Но это будет зависеть от твоего чистосердечного признания и раскаянья. Зачем ты нагадил на крыльце магазина? Не молчи, я уже все знаю.

– Честно скажу: от обиды. Когда продавец обозвала меня в присутствии девушек, я затаил на нее зло и отомстил. Остальное вы знаете.

– Но где ты взял такую большую каральку дерьма? Неужели ты думаешь, я поверю, что ты сам испражнялся?

– Конечно, нет. Я взял полметровую трубу диаметром десять сантиметров, затарил ее дерьмом, а потом палкой выдавил на крыльцо, – ответил Махонин и рассмеялся. Не сдержал хохота и сам Сергеев.

– Ладно, верю, но от штрафа за хулиганство тебе не отвертеться. Плати десять рублей и ступай с богом, а то насмешил до коликов.

ПРИЗРАК С БОРОДОЮ

Зимний вечер. Золотодобывающая драга, погруженная во мрак, напоминала старый замок. Вдруг что-то щелкнуло, стукнуло, заскрежетало, наведя страх на молодых женщин, которые готовили в сторожке ужин. Истопник Галина Якутова следила за огнем в буржуйке, а стрелок вневедомственной охраны Елена Орыч кашеварила.

Борщ получился на славу – ароматный и вкусный. Они плотно поели и стали готовиться ко сну. Понимая, что только одна может отдыхать, а другая должна нести вахту, они дернули жребий. Первой бодрствовать предстояло Якутовой.

Счастливица Елена Орыч застелила топчан, спрятала под подушку наган и улеглась, закинув руки за голову. Довольная исходом дела, она прикрыла глаза и погрузилась в думы. Минут пять стояла тишина, в которой было еле-еле слышно только шипение смолы на дровах и неровный гул в топке.

– Лена, а правда, что на этой драге погиб помощник драгера? – нарушив молчание, спросила Галка.

– Не спрашивай, его в лебедку затянуло и так покалечило, что вспоминать страшно.

– Ты видела?

– Да что ты! Я боялась подойти. Электрик Дима рассказывал, что его всего изломало.

От ледового плена драга опять затрещала, и будто кто-то стукнул молотком по железному борту машины. Женщины на время замолчали.

– Слушай, Лена, а может это его дух витает по драге и нагоняет страх?

– Да замолчи ты, Галка, – остановила напарницу Елена, недовольная глупыми рассуждениями.

Якутова замолчала и занялась своими делами. Она открыла топку, накидала полную дров, затем достала из сумки книгу, уселась за стол и углубилась в чтение. Молчание длилось минут десять.

– Туши свет! – закричала испуганно Орыч.

– Зачем?

– Туши! Там в окно бородатый мужик в очках смотрит, – не менее испуганно повторила команду женщина.

От надрывного голоса напарницы тревога передалась и Якутовой, которая быстро вскочила со стула и нажала на кнопку выключателя. Воцарилась тишина. Блики огня от печурки маломальски освещали помещение.

– Что будем делать? – шепотом спросила Галка.

– Надо сообщить по телефону дежурной по прииску, – ответила Орыч, – по инструкции я обязана это сделать.

Автобус с подмогой прибыл вскоре. Помощник дежурного по прииску и старший стрелок ВОХР обошли объект. У окна сто-

рожки они не обнаружили даже следов собаки, а до окна, убедились они, мог достать только человек трехметрового роста.

– Вам, женщины, что-то показалось, больше не паникуйте зря, – сказали они и уехали.

Якутова и Орыч пришли в себя не скоро. Они так же устроились на своих местах, как и раньше – Галка надела очки и присела читать, а Елена завалилась в той же позе на топчан.

– Галка, а ну-ка глянь в сторону окна, – попросила Орыч.

– Зачем?

– Ну, глянь и чуть-чуть привстань. Вот так, правильно. Теперь я знаю, кто смотрел в окно.

– Кто?

– Это была ты, а вернее, твое отражение. Только не пойму, почему ты причудилась мне с бородой?

– Слушай, а я в это время полотенцем помаду с губ убирала, – вспомнила Галка и приложила, как тогда, полотенце к губам.

– Вот это да! Ну, Галка! Точно призрак! – и женщины рассмеялись.

ПОЛОМКА

Алексей Бузилов сошел с автобуса веселый. Улыбка не сходила с лица. Глаза искрились радостью. Он любил свою работу и, когда приезжал на смену, всегда, закинув полевую сумку за плечо, отправлялся к БелАЗу. Вот и сегодня его встретил напарник и жестикулируя что-то объяснял. Через некоторое время к ним подошел начальник участка.

– Что случилось? – поинтересовался он.

– Накладку тормозную оторвало и заклинило колесо, – ответил напарник Бузилова. – Я не стал один ремонтом заниматься.

– Тебе когда на смену?

– Сегодня в ночь.

– Тогда езжай домой, а я выделю Бузилову помощника.

Золотодобыча – дело, несовместимое с промедлением. На случай аврала были люди, которыми затыкали производственные дыры. Среди них был представитель южных широт – Ашот, которого и отправили на помощь Бузилову.

– Ну что, Ашот, гайки крутить умеешь? – спросил Алексей.

– Канэшно, показывай, что дэлать?

Алексей дал Ашоту большой ключ, показал, где и что откручивать, а сам стал заниматься более сложным делом. Когда работа подходила к завершению, появились кое-какие трудности. Надо было поставить колесо на место, а оно весило пятьсот килограммов. Без приспособления оказалось трудновато. Бузилов подумал и решил сделать из кирпича и доски маленькую эстакаду. Так и сделали, но высота кирпича оказалась недостаточной.

– Ашот, я подержу колесо, а ты возьми вагу, подсунь под доску и чуть-чуть приподними, – скомандовал Алексей, а сам, собрав силы, уперся в колесо и держал до тех пор, пока не посинели пальцы. Выругавшись смачными словесами, он отпустил непосильный груз и отскочил в сторону. Ашот, как слепой котенок, ходил из стороны в сторону и искал вагу.

– Ты что ищешь?

– Вагю.

– Не «вагю», а вагу, мать твою коромыслом. Вот же она!

– Сколько живу, первий раз слишу, чтоб палька вагой называлась.

– Теперь будешь знать свою госпожу деревянную, – сказал Алексей и расхохотался.

СМЕШНАЯ ЦЕНА

В эпоху перестройки, в долгожданный выходной день, мать и дочь отправились по магазинам в надежде купить там что-то необычное. Обойдя все торговые точки, они не нашли подходящего товара и уже было отправились домой.

– Мамулька, а мамулька, давай зайдем еще в универмаг, может, там чего-нибудь выкинули.

– Не мели чепуху, дочка, – ответила родительница и добавила: – Что толку ходить там, где давно Мамай прошел.

– Но нельзя же так жить, мамулька, не надеясь на счастливый случай. Давай заглянем, тем более магазин рядом.

– Ладно, уговорила, пойдем, коль тебе так хочется.

Просторные залы универмага представляли знакомую картину – прилавки были полупустые. Пройдя по лабиринтам заведения, они забрели в уголок под вывеской «Кооперативные товары». В этом отделе полки ломились от изобилия вещей, но и цены были заломлены до предела.

– Пошли отсюда, дочка, видишь, цены кусаются, – взяв за рукав свое чадо, прошептала на ухо мать.

– Обожди, давай норковую шапку посмотрим. Видишь, какая она дешевая, всего-то за девяносто рублей.

Остановившись у прилавка и взглянув на ценник, мамаша округлила глаза – на шапке лежала бумажка, на которой была указана цена: 90 рублей. Верилось и не верилось, а спросить было не у кого, продавец отлучилась с покупателем в примерочную комнату.

– Мамулька, давай купим, нынче шапка на базаре пятьсот целковых стоит.

– Слушай, я чего-то не пойму, может, это из искусственного меха?

Потрепав поочередно шапку и подергав ворс, они удостоверились, что мех самый настоящий.

– А может, шапка бракованная? – примеряя на голову, вставила дочь. – Гляди, как ладно сидит она на мне. Ну что, покупаем?

– Зачем тебе бракованный товар? Купить не проблема, а если шапка через неделю облезет?

– Эй, гражданки, зачем мою шапку тискаете? – выйдя из примерочной комнатки, спросила продавец.

– Хотим купить, – в один голос ответили мать и дочь.

– На базаре выбор большой.

– Но там цены высокие.

– А моя шапка, думаете, дешевле?

Дочь и мать переглянулись, все поняли и рассмеялись. Продавец приблизилась к ним и, увидев рядом со своей шапкой ценник, тоже не смогла сдержать смех – цена-то действительно была смешная.

КУРЬЕЗНЫЙ СЛУЧАЙ

Кто-то личный автомобиль считает роскошью, а мой друг – средством передвижения. Во-первых, живет далеко от районного центра, во-вторых, он заядлый рыбак и охотник, а в-третьих, его жена, любитель природы и автотуризма. Но это сейчас, а тогда у него не было автомобиля.

Сергей начал копить деньги на тачку давно. Работал как зверь, складывал копейку к копейке, но неудачи всегда преследовали его. Сначала не хватало нужной суммы денег, потом очередь не подходила, а когда все хватило и подошло, случился курьез-

ный случай – автомобиль подорожал. Несостоявшийся покупатель упал духом. Через неделю все решилось само собой – ему предложили подержанный автомобиль «Жигули» шестой модели. Посоветовавшись с женой, он решил осуществить свою мечту, и вместо мотоцикла в гараже появилась четырехглазая машина. Каждый день Сергей бегал полюбоваться своим приобретением.

По совету бывалых автолюбителей, чтоб продлить срок эксплуатации техники, новоиспеченный водитель решил сделать профилактику всех узлов и механизмов. Сам он плохо разбирался в новинке, поэтому пригласил на помощь опытного шофера, и дело заспорилось. После ремонта «Жигули» блестели, а мотор, как говорится, шептал.

– Ну, что, Серега, теперь это дело надо обмыть, – вытирая ветошью руки, сказал опытный водила.

Так и решили сотоварищи по ремеслу. Прямо на капоте они соорудили стол, накрыли его по походному методу и угостились так, что Сергей не помнил, как добрался до дому.

Утром Сергей проснулся, когда солнце достало его лучом. Голова болела и не соображала. Он поднялся и ужаснулся – руки по локоть были в бинтах. Испуганный, как заяц, он поспешил на кухню, где жена готовила завтрак.

– Ма-а-ша, что у-у-у меня с ру-ка-ками?

– Допился, соколик, даже не помнит. Вот до чего тебя машина довела! Пить меньше надо! Да не трясись ты, смотреть тошно. А забинтовала твои руки вчера я.

– Зачем?

– Чтоб постель мазутом не запачкал. Разбинтуй и все сам увидишь.

Сергей торопливо снял повязки с обеих рук, заулыбался и стал жадно пить воду прямо из крана.

– Умная ты у меня жена, – утолив жажду, сказал с восхищением Сергей.

РЫБАЛКА

На одном предприятии, когда выпадали выходные дни, любители зимней рыбалки выписывали автобус и организованно выезжали на водохранилище, где отводили душу. Не их поля ягода был лишь водитель, которого вообще не интересовала рыбалка. Он устраивал всякие розыгрыши, а попросту мешал всем, чтобы как-то развлечь себя.

В очередной выходной день вся эта братия по интересу отправилась удить рыбку. Водитель автобуса, одевшись в шубу и унты, крутил баранку и жаловался на судьбу: «Я-то за что должен сопли морозить? У вас спортивный интерес, а мене ваша рыбалка по барабану. Другое бы дело, если наливали по сотке водки, да через каждый час. Плохо, что нельзя клюкнуть, кто вас, ненормальных, домой повезет?»

За разговором время пролетело быстро, и автобус подрулил к берегу водохранилища. Все как по команде сошли с автобуса и разбрелись кто куда. Около автобуса остались водитель и Макарыч, который что-то искал в рюкзаке.

– Макарыч, ты права взял с собой? – спросил Виктор.

– Взял, а что?

– Да так, на всякий случай.

Виктор знал, что Макарыч не употребляет спиртного, даже по праздникам, и у него созрела мысль: как только он прогреет двигатель, найдет Сергея Грязнова, у которого всегда имелось спиртное. Изладив дело, Виктор отправился на поиски друга. На пути первым попался дед Иван.

– Ну, что? Как успехи? – поинтересовался Виктор и, не дождавшись ответа, добавил: – Хвост еще не примерз?

– Иди к чертовой бабушке, баламут.

– Ладно, не сердись, дед, хочешь, слово магическое подскажу, чтоб только у тебя клевало?

– Какое еще слово?

– Волшебное.

– Слушай, иди отсюда, или, хочешь, я дам тебе донку, просверлишь лунку и сам будешь удить.

– Нашел дурака, мне и так на ушицу рыбы дадут ребята, – парировал Виктор и отправился дальше.

Насвистывая мелодию песни из репертуара Пугачевой, Виктор приблизился к Вадиму Жалобову, который из пленки мастерил укрытие от ветра. Каркас из прутьев складывался и падал. Рыбак нервничал.

– Эй, Вадимка, что, сегодня дождь пообещали? Я слышал по радио, еще и гроза будет.

– Да пошел ты подальше, – выругался Вадим.

– А я туда дороги не знаю, покажи, – съехидничал Виктор и побрел к Сергею, до которого оставалось пройти шагов сто.

В этом месте лед был тонкий, потому что с электростанции, которая находилась рядом, сбрасывали горячую воду. На середине пути случилось неизбежное – лед провалился и Виктор попал в полынью.

– Помогите, тону! – донеслось до деда Ивана.

– Эй, Вадим, кто там тонет? – крикнул соседу дед.

– Кто, кто? Это опять придурок нас разыгрывает. Минуту назад он мне голову морочил своими прогнозами.

– Слушай, а может, он правда провалился? Смотри, как руками машет.

– Артист! Наверно, упал на брюхо и дурачится.

Крики о помощи продолжались. Голос надрывался и переходил на какую-то шипящую речь. Все думали, что это очередная уловка. Сомнение в голову пришло только Сергею. Он подбежал к утопающему и позвал остальных. Связав три шарфика вместе, Сергей подполз ближе, бросил конец. Когда Виктор крепко ухватился за шарфик, его потихоньку вызволили из плена.

– Ну что, пескарь, доигрался? – похлопав по плечу Виктора, сказал дед Иван.

– Еще бы чуть-чуть и буль-буль к карасикам, – добавил кто-то.

После этого случая Виктор надолго забыл чудачества, но, как говорят в народе: горбатого могила исправит. Жить без шутки нельзя.

– 47308 –

ПОСПЕШНОЕ РЕШЕНИЕ

Трое друзей отправились позагорать на пляж реки Томи. По пути они зашли в магазин отовариться. В универмаге они купили сухого вина, фруктов к нему и бутербродов на случай того, что могут проголодаться.

Время прошло на ура. Друзья прекрасно отдохнули, вволю накупались и чуть-чуть загорели. Когда приблизился вечер, они стали собираться в обратный путь. Все бы хорошо, но один из них не досчитался туфля с правой ноги. Идти босиком через центр города Кемерово было неприлично, и все трое принялись дружно искать пропажу.

– Что будем делать? – спросил Владимир, которому первому надоело искать пропажу.

– Придется идти босиком, – вставил Николай.

– Вам хорошо рассуждать, ведь не вам топать в таком виде по городу, – ответил недовольный Василий. – Ладно, пошли домой, зря только время потеряли на поиск.

Прокопьевская районная ЦБС Кемеровской обл.

Николай поднял левую туфлю и швырнул ее в речку. Когда туфля скрылась в пучине вод, Владимир поднял свой пакет с вещами и увидел, как из песка выглядывает шнурок. Он потянул за него и обнаружил пропажу.

– Василий, смотри, с тебя причитается! – довольный находкой закричал Владимир.

– Что толку, другой уже нет, – сказал с досадой Василий.

– Сейчас найдем, – подбодрил дружка Николай и стал раздеваться. – Я запомнил место.

Вместе с ним как по команде разделись до плавок Владимир и Василий. В воде поиски усложнились, искать на ощупь было трудно. Поочередно ныряя и прощупывая дно, они быстро устали.

– Все, пошли на берег, – скомандовал Василий, – в этом деле нужен водолаз.

Друзья вышли из воды. Погоревав, что поторопились выкинуть туфлю, они стали одеваться. Василий покрутил в руках правую туфлю, закрыл глаза и швырнул ее тоже в речку.

– Вот и все, концы в воду, теперь уж точно не станем больше искать, – тяжело вздохнув, сказал хозяин туфель и побрел босиком в сторону города.

– Эй, ребята, – окликнул их один из отдыхающих, который в это время купался, – я нашел, что вы искали.

Друзья остановились.

– С какой ноги? – спросил кто-то из ребят.

– С левой.

– Это та, которую я закинул, – пояснил Николай. – Ищи, там где-то вторая плавает, а мы пойдем, надоело.

ОБЫКНОВЕННЫЕ ВОРЫ

В диспетчерской автопарка шоферы собрались на разнарядку. В ожидании завгара кто-то заполнял путевые листы, кто-то курил, а кто-то забивал доминошного козла или гонял шары на бильярде. Обстановка была, как всегда, спокойная, пока в помещение не вошел водитель-дальнобойщик.

– Ну, что сидите? Гараж обворовали! – выпалил он с порога.

– Как обворовали? – еще не осознанно спросил механик.

– Молча, взяли и обворовали, – съязвил тот, – у меня радиоприемник, карбюратор и зеркала умыкнули, а у других не знаю.

Шоферы, которые еще с утра не подходили к своим автомобилям, ринулись толпой в гараж. В это время подошел завгар.

– Что случилось? Куда коллектив разбежался? – спросил он у диспетчера.

– Гараж обворовали, – выпалила Зенкова.

Около гаража стояли мужики и жаловались на свои беды. Со слов подчиненных завгар понял, что разукомплектовали почти половину автопарка. Он не стал долго задерживаться в гараже, лишь дал задание механику, чтоб тот составил дефектный список по каждому автомобилю, и ушел.

Через четверть часа собрались снова. По поводу случившего казуса каждый выдвигал свою версию. Все были очень злые. Попадись в их руки злоумышленники, они бы точно учинили расправу. Ко всему происходящему, равнодушным был лишь один человек – грузчик Кукуев, который тихонько сидел в уголке и пальцем ковырял в носу. Он был с детства больной душевно. Что взять с ненормального человека, которого обидела жизнь?

– А я знаю, кто обокрал гараж, – уверенно и громко заявил грузчик Кукуев. Мужики все притихли в ожидании узнать имена воров, но тот молчал.

– Что томишь? Говори, не бойся! Ну! – не выдержал паузы завгар. Наступила полная тишина.

– Воры! – выпалил с уверенностью Кукуев и сделал умное лицо.

– Какие воры? – вставил кто-то.

– Обыкновенные, – пояснил вразумительно грузчик, – те, которые у меня вчера лопату украли.

– Конечно, обыкновенные воры. И как мы сразу не догадались? – засмеялся первым механик, от которого, как по цепной реакции, хохот передался другим.

ЖАДНОСТЬ

Водители таксопарка собрались в баре после трудовой смены. Они сидели в углу за столиком и не спеша потягивали пиво. Один из них трепал лещика и жаловался на шоферскую долю: «У меня сегодня был неудачный день. Два раза проколол одно и то же колесо. Не заработал даже на сигареты. А какие кли-

енты пошли жадные! За копейку удавятся. Это раньше я мог поставить им свои условия, а теперь тачек развелось уйма. Еще частники всю масть сбивают».

Здесь же к компании присоединился еще один таксист по прозвищу Еврей. Это прозвище, на которое он, кстати, не обижался, ему прилепили за жадность к деньгам. Еврей заказал кружку пива и встрял в беседу: «Это еще цветочки, а ягодки будут потом. Вот сегодня стою в аэропорту, гляжу, выходит солидный мужчина, я к нему. Спрашиваю: «Вам далеко?» А он мне отвечает: «За мной должна прийти служебная машина». Ну, я, конечно, не растерялся и быстро нашел другого клиента. Спрашиваю: «Куда?» Он отвечает: «В Киселевск». Хорошо, думаю, можно подсолить. Стал сомневаться, сколько назначить плату за проезд. Сказать полторы сотни рублей – откажется, сотню – мало. Думал, думал. Говорю: «Ладно, давай сто и по рукам». Он обрадовался, что я не загнул цену, отдал мне чемодан, а сам пошел в киоск, набрал на мои деньги чипсы и пиво. Всю дорогу хрустел под ухом. Скажите, ну не сволочь ли он после этого? Как с этим мириться?»

– Слушай, я что-то не пойму, он тебе не отдал все деньги? Почему он на твои колобашки накупил себе чипсов? – спросил кто-то.

– Почему, почему? Ты что, не понял? Да на тот полтинник, который я с него не взял.

– Ну, дает, – почесав затылок, вставил один таксист и добавил: – Ты случайно не в Биробиджане русский паспорт покупал?

– Там, – уточнил другой водитель, – надо же до такого додуматься.

ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ

Как обычно, понедельник – день тяжелый. Еще тяжелей бывает он, когда воскресенье совпадает со знаменательной датой или с каким-либо праздником.

Кузнец Иван пришел на работу рано. Подготовил рабочее место, присел перекурить. В памяти мелькали эпизоды бурного застолья, которые он не мог связать воедино. Иван отчетливо помнил, как под залихватскую гармонь плясал и пел частушки, как

боролся на руках с кумом, как пытался украсть у невесты туфлю, как приревновал свою жену к одному щеголю, но как расстался с гостями – пробел. Вдруг мысли прервала скрипом входная дверь. На пороге появился кум с бутылкой технического спирта.

– Ну что, Иван, репу парить будем?

– Какую еще репу?

– Ты что, деревня? Репа – это голова, а парить – значит лечить ее.

– Я на работе ни-ни!

– Ладно из себя трезвенника корчить, ты вчера так свою репу напарил, что на меня драться кинулся. Выпивать со мной не станешь – не прощу.

– Слушай, а я не помню.

– Вот-вот, давай тару, и я потом тебе все расскажу.

Ивану было интересно узнать о своих похождениях. Он расстелил на верстаке газету, достал кружку и закуску, заулыбался.

– Наливай!

Иван имел привычку выпивать редко, но емко – за один присест не меньше стакана. Кум откупорил бутылку и стал разливать колдовской напиток. Донышко покрыло спиртом на два пальца.

– Полней, аптекарь! – подбодрил собутыльника Иван, не догадываясь, что ему налили не самогону, а спирту в кружку.

Кум хитро улыбнулся и удвоил дозу. Иван достал коробок спичек, выложил на верстак, сверху коробка положил сигаретку и поднял кружку.

– За наше здоровье! – Сделав глубокий вздох, Иван опрокинул кружку, затем выдохнул, взял сигаретку в зубы, зажег спичку и стал прикуривать. В это время его замутило и к горлу что-то подогнало. Самопроизвольно содержимое желудка вырвалось наружу, воспламенилось от горящей спички и облило рукав костюма собутыльника, который тоже вспыхнул синим пламенем. Кум стал метаться по кузнице и истерично кричать, пока не окунул руку в бак с водой.

– Ты что как Змей Горыныч огнедышащий, чуть заживо не спалил. Это все твоя жадность. Спирт такими дозами не пьют.

– Предупреждать надо, чем угощаешь. За такие проделки тебя надо всего подпалить, – отдышавшись, пробурчал Иван. Тем временем кум подошел к верстаку, налил себе спирту и выпил.

– Эй, Змей Горыныч, а у меня прижилась жидкость, иди, повтори.

КРЕТИН

Диспетчер автопарка Вера Суркова периодически звонила в роддом по просьбе водителя и справлялась о состоянии здоровья его жены, которую он отправил утром рожать. Наконец ей сообщили, что роды прошли без осложнений, а роженица разрешилась мальчиком.

– Как обрадуется папа, когда узнает новость! – подумала Верка и положила трубку.

– Что такая радостная? – спросил механик Звягин.

– У Сережки Петрова сын родился, – ответила диспетчер и, взглянув в окно, добавила: – А вот и он явился не запылился, надо обрадовать. Механик молча сорвался с места и выскочил на улицу. За ним как по команде последовала Верка, которой тоже хотелось первой сообщить о приятной новости. Но Валентин Звягин был расторопнее Сурковой, он, не обращая внимания на ее окрики, вперед забежал в гараж и сообщил другу о пополнении семейства.

– Так не честно, – подбежав к ним, выпалила запыхавшаяся Верка, – я целый день сидела на телефоне, а лавры достанутся другому лицу, что ли?

– Какие лавры? О чем ты, Вера, говоришь? Я так обязан, что не знаю чем отблагодарить!

– А ты наливай, – вставил Валентин.

– Проблем нет, – вынимая пакет из кабины, сказал Сергей.

Шампанское в бутылке закончилось быстро. Верка стояла с ребятами и доедала шоколадку. Вдруг Сергея осенило:

– Елки зеленые, я же сегодня на работу приехал на своем автомобиле. Как теперь до дому добираться?

– Прорвемся, – успокоил друга Валентин, – я сяду за руль, а если остановят работники ГИБДД – отдам свои права.

Так и решили, благо путь короткий. Но когда не желаешь встречи, то случается наоборот. Как только дорога пошла под гору, а до дому оставалось около километра, их тормознул инспектор ДПС. Валентин просчитал ситуацию и как можно дальше проехал вперед.

– Приехали, на этот раз не повезло, – заворчал Сергей, – за передачу руля и я поплачусь.

– Тихо, не скули, – отозвался Валентин, – я сейчас пойду к нему, а ты перелазь за руль и, не включая двигатель, езжай накатом дальше. Видишь, он другую машину тормозит?

Валентин вышел из-за руля и медленно побрел к работникам ГИБДД. За путь в двадцать шагов он два раза отряхивал штанины, раз наклонялся завязать шнурок на обуви, потом долго хлопал по карманам, а когда на него обратил внимания страж, Валентин вынул пачку сигарет и закурил.

– Ваши документы, – представившись по форме, потребовал инспектор ДПС.

– Какие документы?

– На автомобиль и удостоверение на право вождения им.

– У меня нет таких, – ответил Валентин, а сам оглянулся на то место, где недавно стояла машина Сергея.

– Как нет? А на каком основании вы сели за руль?

– Я не садился. Когда вы палочкой махнули, водитель остановился и говорит: «Иди, тебя милиционер зовет». Вот я пришел.

– Вот кретин, – закричал инспектор. – Ты-то мне зачем нужен?

– Если не нужен, то я пошел?

– Иди, и не просто иди, а к чертовой бабушке. Вот кретин.

«Неизвестно, кто из нас кретин», – подумал Звягин и спешно удалился.

РОЗЫГРЫШ

Новичок в коллективе – это мишень для насмешек, он чаще других подвергается розыгрышам, попадаясь на удочку своих коллег. Еще хуже бывает начинающему работнику или практиканту.

После окончания курсов по подготовке шоферов Иван Сорокин устроился на работу слесарем в автопарк при птицефабрике. К нему прикрепили в наставники опытного водителя дядю Семена, у которого машина находилась на капитальном ремонте. Как только закончилась планерка, ученик и учитель отправились на рабочее место.

– Ну что, Иван, работать будем? – хитро посмотрев на напарника, спросил дядя Семен.

– Будем, – кратко ответил Иван.

– Тогда бери чистое ведро, иди к механику и выпиши десять литров спирта для промывки деталей. Если будет артачится, то поясни, что разрешил инженер.

В кабинет механика Иван зашел прямо с ведром. Потоптавшись у двери в нерешительности, он подошел поближе к столу и стал ожидать, когда тот закончит разговор по телефону. Ждать пришлось недолго.

– Что хотел? – положив трубку, спросил механик.

– Я бы хотел выписать со склада десять литров спирта для промывки деталей.

– Вот даже как, – уловил подвох механик. – И кто тебя отправил?

– Дядя Семен.

– А цыплят табака на закуску не попросил?

– Нет.

– Тогда скажи своему напарнику, чтобы подал заявку на мое имя, а то без закуски захлебнется спиртом.

– Но нам нужен спирт для технических целей.

– Что? Иди, не морочь мне голову. Не ты первый приходишь от него с аналогичными штучками. Месяц назад такой же, как ты, салажонок требовал реактивный ускоритель выписать на машину дяди Семена. Еще были такие, которые за искрой приходили и за смазкой тормозных колодок. Смазку надо иметь в голове, чтобы впредь не поддаваться на уловки.

Иван вышел из кабинета с чувством досады. Проходя мимо кустов, он забросил ведро в траву и вернулся на рабочее место. Его встретил улыбчивый дядя Семен.

– Как дела? Получил спирт?

– Нет.

– А где ведро?

– Украли, когда я заходил к механику.

Улыбка медленно сползла с лица дяди Семена. Ему стало жалко ведро, которое он купил вчера на личные деньги.

– Как украли?

– Молча, – ответил Иван и, довольный, стал надевать комбинезон.

ОТКРЫТИЕ КУПАЛЬНОГО СЕЗОНА

В понедельник двое водителей не прошли медицинский контроль на наличие допинга в организме и их не допустили к работе на линии. Начальник автопарка выдал им по метелке и отправил подметать гараж. Они дождались, когда разъехались

машины, приступили к уборке бокса. До обеда гараж уже был чист. Друзья по несчастью составили метелки в угол, закурили и стали думать, что делать в оставшееся время.

В гараже находилась смотровая яма, заполненная талыми водами вперемешку с мазутом. Ее всегда подтапливало весной. Один из штрафников – водитель Иванов посмотрел на яму и как бы между делом сказал:

– Надо будет откачать воду.

– Слушай, – сказал другой, – а спорим, ты не искупаешься в этом водоеме.

– Я пока не больной, чтоб в такую грязь нырять.

– А спорим на бутылку, что я прям в одежде прыгну в яму.

– Не прыгнешь.

– А в магазин побежишь?

– Запросто.

Петров не раздумывая подошел к яме и с ходу прыгнул в нее. Вода оказалась холодной, и он пробкой вылетел обратно.

– Ты еще здесь? – первым делом спросил он Иванова, – пока я обмоюсь, ты уже должен вернуться, как индеец Быстрая Нога.

– Понял! – ответил тот и побежал в лавку, а Петров пошел в душ. Ополоснувшись, он постирал робу, переоделся в чистую одежду и, как огурчик, зашел в гараж. Его уже ждал товарищ с выпивкой и закуской.

Бутылка закончилась быстро. Оба хорошо захмелев, смеялись над случаем. К ним подошли шоферы, вернувшиеся с рейса. Они тоже не остались равнодушными к этому событию – дружно посмеялись над клоунадой. Иванову стало жалко проспоренной бутылки, и он с досадой сказал:

– Я тоже могу искупаться, спорим.

Петров протянул руку:

– Спорим!

В этот раз в магазин бежать пришлось Петрову. Иванов проделал тот же самый моцион, отмылся и стал ждать гонца в гараже. Мужики, хихикая, крутили пальцем у виска, показывая на купальщика.

Петров зашел в гараж мрачный. Отдав пакет с водкой и закуской, он присел на подоконник, пробормотал:

– А тебе не кажется, Виктор, что мы накупались совершенно бесплатно в этой грязи? Не проще ли было скинуться и посидеть как люди?

– Не бери в голову, – ответил Иванов, – зато купальный сезон открыли. Наливай!

– За купальный сезон?

– За него, будь он неладен.

ВЕЩЕСТВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Рыбалка не клеилась. Двое товарищей по работе сидели на берегу реки и смотрели безнадежно на поплавки. Рыба словно объелась чего-то вкусного и брать наживку категорически отказывалась.

– Как успехи, братва? – спросил подошедший Иван Булыгин.

– До обеда не клевало, а потом как обрезало, – язвительно ответил один из рыбаков, а второй молча встал, сплюнул в сторону и пошел к костру.

– Что это Серега как туча мрачный? – кивнув головой в сторону уходящего товарища спросил Булыга.

– А ему жена строго-настрого наказала, чтоб без рыбы домой не заявлялся, – пояснил Павел и добавил: – Видишь ли, его супруга думает, что под предлогом рыбалки наш Серега ходит на сторону. Ревнивая, зараза.

– Ну и дура баба, – заключил Иван, – ладно, пошли к костру, бригадир из тушенки похлебку соорудил.

Постелив клеенку на полянке, Николай Зотов накрыл стол, разнообразив его привезенными из дома харчами. Дружно рассевшись вокруг съестного припаса, ребята под водочку приступили к трапезе. Покряхтывая от удовольствия, рыбаки хвалили повара. За чередой тостов бригада захмелела, и многие забыли, зачем приехали на лоно природы. Помнил о рыбалке только запрограммированный женой Серега. Ему хотелось покинуть веселую компанию и еще раз испытать судьбу на удачу.

– Эй, Паха, пошли на вечерней зорьке посидим на берегу, сейчас у рыбы жор начнется, – предложил Серега.

– Тогда бери пузырь, чтоб скука не одолела, – отозвался на приглашение друг.

Сумерки сгустились незаметно. Шумная компания еще долго сидела у костра – пока не разбрелась по палаткам. Наступила тишина.

Ближе к обеду лагерь рыболовов стал оживать. Первым проснулся Булыгин. Иван развел потухший костер, подогрел чай и стал будить остальных товарищей. Павел и Николай оказались быстрыми на подъем, а вот Сергей стал брыкаться и ругаться на нарушителей спокойствия. Только когда прибыл транспорт, Сергей стал собираться домой.

– Слушай, Булыга, глянь, что там у меня в голове, – попросил Сергей, – я, кажется, клеща подцепил.

У Ивана глаза медленно полезли на лоб от такого зрелища – вместо клеща в голове торчал крючок.

– Это, Серый, не клещ, – заикаясь, выпалил Булыга, – это у тебя крючок от удочки.

– Что?

– Обыкновенный крючок, – подтвердил Николай.

– Надо было видеть, как он вчера рыбалил, – встрял в разговор Павел и ехидно добавил: – Чуть-чуть в воду за пескарем не улетел, а потом зацепил удочку за кусты и давай ее рвать. Когда леска лопнула, он переломил удилище и закинул его в речку.

– Хватит зубоскалить, мужики, – скомандовал бригадир, – надо как-то вытащить инородное тело из бестолкового места.

– А зачем? Это чем не вещественное доказательство? Теперь его жена на сто процентов поверит без рыбы, что Серега был на рыбалке, – опять съехидничал Павел.

– Это идея, ребята, – заулыбавшись, сказал потерпевший, – налейте-ка водочки для наружного применения и внутреннего вливания и поехали скорей домой. Пусть моя Верочка увидит, как рыба достается.

МЕСТНЫЙ ПИКАДОР

В атага ребят возвращалась из школы домой. От общей массы отделились двое и свернули с дороги на тропинку, которая пролегала вдоль речки. Между этой речкой и задами огородов находился зеленый луг, на котором мирно паслись на привязи две овцы и баран. Вовка и Сашка, проходя мимо скотины, остановились.

– Смотри, Саня, какой здоровый баран и какие мощные рога! – воскликнул Вовка.

– Слушай, а давай на нем прокатимся, – сказал Сашка и, не дожидаясь ответа, пошел решительно к животному. Бросив на ходу портфель, он подошел к барану и взял его за огромные рога.

– Может, не стоит, вдруг хозяин увидит.

– Не бойся, если что, убежим.

Сашка, словно меряясь силой, покрутил голову животного за рога. Затем, лихо перекинув через него ногу, очутился на его спине. Испуганная скотинка рванула резко вперед, и неудачливый наездник слетел на землю. Все бы хорошо, но именно в том месте, куда он свалился, лежала свежая лепешка коровьего дерьма.

Вовка закатился от смеха. Со стороны это выглядело так комично, что даже самый угрюмый человек в мире не смог бы сдержать смех.

– Что зубы скалишь? Тебе смешно, а мне дома попадет от родителей, новый костюм замарал, – с обидой проворчал Сашка. Он снял пиджак, сорвал пучок травы и зачистил испачканное место. Недовольный исходом дела, он нагнулся за портфелем, который валялся рядом. В это время баран успел встать на исходную позицию и с разбега ударил, наверно, от обиды, Сашку под зад. Тот упал на четвереньки и, не оборачиваясь, стал спешно удаляться в безопасное место. Рогатое животное, не теряя времени на разбег, стало нагло преследовать своего обидчика. Пока Сашка находился в интересной позе, баран успел сделать еще три налета. Хорошо, что веревка оказалась короткой – четвертый удар получился касательный.

– Умора! Я такого номера даже в родео не видел, – катаясь по поляне и держась за живот, кричал Вовка. – Короче, на главную роль ты не годишься, а вот пикадор из тебя получится.

– Сам ты пикадор, – обиделся Сашка и побрел домой с зелеными от травы коленками.

ПОПУТЧИЦА

Махнув рукой, как жезлом постовой,
Заворожила и остановила.
Он на край света ехал бы с такой,
Если б она об этом попросила!

Вечерело. Мокрый асфальт отражал блики фар встречных машин. Было видно, что недавно прошел сильный дождь, который обильно смочил дорогу. Но непогода никак не влияла на хорошее настроение водителя грузовика, он ехал, насвистывая веселую мелодию. Да и было ли о чем печалиться, каких-то десяток километров – и он будет дома, а там телевизор, пиво и мягкая постель. Одно жаль, что дома ждать некому: развелся он с женой, а другую хозяйку так и не нашел. Случилась эта история полгода назад. Все были в недоумении: жили-жили и на тебе – развод. Виктор сам не понимал, в чем он провинился перед Люськой. Приехал как-то с рейса, а ее и след простыл – уехала с кем-то другим в неизвестном направлении. Первые дни Виктор мучился, места не мог найти, друзей старался избегать, а товарищей по работе вообще сторонился. Заметив перемены в своем подчиненном, начальник гаража пересадил его на «КамАЗ» и стал посылать в дальние рейсы. Наделенный жизненным опытом, завгар понимал, что лучше лечит чем-то заполненное время. Он не ошибся. Через месяц Виктор взбодрился, стал шутить и балагурить. На предложения товарищей найти жену отвечал: «А зачем? У меня в гараже есть жена, которая меня кормит и поит, а главное – не изменяет».

Машина продолжала мчаться к заветной цели. Виктор думал о баньке с березовым веником и о том, как проведет выходные. Душа рвалась домой и ликовала, но тут на обочине появился силуэт человеческой фигуры. Когда фары достали лучами света и осветили объект внимания, им оказалась девушка, которая стояла на обочине с поднятой рукой. Виктор успел разглядеть в ее чертах что-то знакомое, и нога машинально нажала на педаль тормоза.

– До города довезите, – открыв дверцу, попросила незнакомка. Виктор пристально посмотрел на попутчицу и, будто онемев, некоторое время не мог вымолвить даже слова. Она очень напоминала бывшую жену.

– Вы меня не слышите? – вновь обратилась она к нему.

– Извините, я задумался, раз остановился, то довезу.

Он включил освещение кабины и пригласил ее в салон. Когда она уселась на сиденье и захлопнула за собой дверцу, Виктор успел убедиться, что он обознался. Некоторое время они ехали молча. Намолчавшись за очередной рейс, Виктор заговорил первым.

– Как вас дразнят, девушка?

– С чего вы взяли? Меня не дразнят.

– Как это не дразнят? Имя же есть? Меня, например, Виктором.

– Ну, так бы сказали, как зовут, а то «дразнят».

– Ну и как же вас зовут?

– Валентина.

– Прекрасное имя, но вы прекрасней.

– Мне уже об этом говорили, – с иронией парировала она. – Спасибо за комплимент, и хочу сразу пояснить, что не надо понапрасну раскидываться словами. Я не принимаю их от незнакомых мужчин, справок не даю, а адрес тем более.

– Мне это нравится, но ваша неприступность – лишнее. Я просто хотел поговорить и думал, что вы составите компанию. Ну, если вы не расположены к беседе, тогда помолчим.

Они какое-то время ехали молча, каждый думал о своих проблемах, как вдруг тишину нарушил тихий смех.

– Вы знаете, а меня и вправду дразнили в детстве. Кто дразнил Валькой-каралькой, кто – бубликом, а кто – ватрушкой. Была маленькой девочкой – обижалась, а потом – нет. Ой, смотрите!

Виктор среагировал мгновенно. Засвистели тормоза, и машина как вкопанная встала. На дороге лежал мотоцикл, чуть дальше – тело человека. Виктор выпрыгнул из кабины, подбежал к мотоциклисту и первым делом проверил пульс. Убедившись, что человек жив, взял из кабины аптечку и принялся оказывать первую помощь. Когда снял с мотоциклиста изломанную каску, то ужаснулся – волосы были в крови. Он наложил на рану повязку. Затем обратил внимание на руку, которая была тоже в крови и как-то неестественно согнута. Виктор разорвал рукав рубахи, освободив изуродованную руку, стал налаживать жгут. Остановив кровотечение, он скомандовал: «Валентина, открой дверцу и помоги». Когда погрузили мотоциклиста, девушка еле-еле приютилась с ним рядом. Автомобиль мгновенно сорвался с места и помчался не разбирая дороги. При виде мигающих фар встречные машины, понимая своего собрата, прижимались к обочине и пропускали «лихача». Казалось, машина не ехала, а летела над дорогой.

Доехали до больницы очень быстро. Отдав полуживого человека в руки врачей, Виктор и Валентина присели на кушетку. Все, что произошло, было кошмаром. Они до этого не встречались с подобными случаями.

– А вы молодец, Виктор, – после долгого молчания заметила Валентина. – Я бы растерялась.

– Это так кажется. Я делал то, что обязан делать водитель. У нас в правилах записано, что надо предпринимать в данной ситуации.

Разговор прервали прибывшие гаишники. Их по одному пригласили в кабинет врача, где они дали объяснения. Другой инспектор недоверчиво осмотрел автомобиль, убедился в отсутствии следов ДТП, пожелал счастливого пути. К тому времени уже было известно, что операция началась и мотоциклист находится вне смертельной опасности.

Автомобиль медленно ехал по ночному городу. Кругом было пустынно. Виктору и Валентине подмигивали светофоры. Под шуршание шин и шепот мотора они просто молчали и наслаждались необыкновенными сумерками.

– Виктор, я не знаю, что мне делать, – первой заговорила Валентина.

– В чем проблема?

– Я живу в общежитии при техникуме, куда меня уже не впустят.

– Почему?

– Уже поздно, а по правилам я должна в одиннадцать быть на месте.

– У вас тоже правила? – с улыбкой спросил Виктор, и они рассмеялись.

Всю оставшуюся ночь они провели в кабине у техникума. За разговором время пролетело быстро. Час рассвета наступил незаметно, но они не спешили расставаться. Виктор с упоением смотрел на свою попутчицу влюбленными глазами и был рад, что этот случай познакомил их, сблизил. Валентине тоже приглянулся новый знакомый, она раскрепощенно общалась с ним, шутила и смеялась.

Прошло три месяца свиданий и встреч. Валентина сдала выпускные экзамены и получила диплом бухгалтера. На другой день, перед отъездом домой, она вышла из общежития и опешила – Виктор с огромным букетом, который он держал обеими руками, ждал ее. Он подошел к ней, подал цветы и дрожащим от волнения голосом сказал: «Не уезжай, выходи за меня замуж».

КОМАНДИРОВКА

В середине августа утренние и вечерние туманы – обязательный штрих к портрету Привитимья. В эту пору, особенно после проливных дождей, они неблагоприятно влияют на работу «Аэрофлота». Густая пелена сводит видимость к нулю, а это – уже нелетная погода.

Владимир прибыл в аэропорт за два часа до рейса на маршрутном автобусе из поселка Кропоткин. За долгий путь в сто километров по насыпной дороге он так сильно устал, что задремал, как только присел в кресло в зале ожидания. Шло время, люди суетились около кассы и буфета. Вдруг раздался хрип в динамиках и женский голос произнес: «Товарищи, рейс на самолет, следующий Бодайбо – Киренск – Иркутск, переносится на завтра. Аэрофлот приносит пассажирам свои извинения». «Вставай, прилетели», – толкнув в плечо Владимира, сказал какой-то незнакомый мужчина. Владимир открыл глаза, увидел, как расходится народ, понял – рейс отменили. Оставшись один в зале, он стал думать, куда податься. Ехать назад не имело смысла, а остаться до завтрашнего дня в городе – проблематично. Гостиница отпадала, но был шанс остановиться у друзей. Первым делом Владимир достал записную книжку и подошел к телефону-автомату. Он звонил то одному, то другому абоненту, пока не закончились монеты. Не связавшись ни с кем, он пошарил по карманам пиджака и, найдя еще монету, стал думать, как использовать последний шанс. Тут его осенило: Ирина! Владимир набрал служебный номер городской больницы.

– Медицинский пост терапевтического отделения, слушаю, – раздался звонкий голос.

– Мне бы услышать Ирину Корнееву, – пробасил Владимир.

– Перезвоните через полчаса, она очень занята, – пояснила девушка, и послышались короткие гудки.

Владимир повесил трубку, спрятал в карман книжку и пошел сдавать багаж в камеру хранения. Налегке он выскочил на улицу. После дождя дышалось легко – полной грудью ощущалась свежесть бодайбинского воздуха.

Свою землячку Владимир не видел больше года. Правда, после окончания медицинского вуза она приезжала в поселок на недельку повидаться с родными, но с Владимиром виделась мимолетно, когда тот шел на смену. Работа в старательской артели забирала много сил и времени. На личную жизнь времени не было почти совсем. Двенадцатичасовой режим работы без выходных изнурял, поэтому все мирское было на последнем плане.

Ирина была девушкой красивой. Голубые глаза под узкими дугообразными бровями завораживали, прямой узкий носик подчеркивал миловидность, а тонкие плотно сжатые губки придавали строгость и неприступность. Может, поэтому, из-за этой строгости, робел Владимир перед Ириной? Но напрасно боялся парень девушку. Это строгое создание тайно любило его, даже тяготилось чисто дружескими отношениями. Гордость Ирины и боязнь Владимира возвели непреодолимую стену на пути их друг к другу.

Насвистывая веселую мелодию, Владимир свернул во двор больницы и оказался у входа в санпропускник. Потоптавшись в нерешительности около двери, он вошел в здание. В нос ударило резким запахом формалина. Стараясь не дышать носом, визитер обратился к медсестре и попросил вызвать терапевта Ирину Корнееву.

– Обождите немного, я сейчас в то отделение поведу больного и тогда вызову Ирину Сергеевну, – сказала сестричка и удалилась.

Владимир вышел на крыльцо, закурил и заулыбался: «Ишь ты, уже Ирина Сергеевна, как время летит». Взглянув на сигаретку, он увидел, что в руках появилась дрожь. С каждой минутой волнение усиливалось. Еще час назад он не помышлял увидеть этого человека, а теперь жаждал встречи.

Ирина долго ждать себя не заставила. Увидев милого друга, кинулась к нему на шею и обвила ее руками. Владимир не ждал такого оборота дела, но не растерялся, тоже привлек ее к себе и поцеловал в те самые строгие губки. Она вспыхнула краской, но не отстранилась.

– Володя, где же ты потерялся? Хоть бы написал пару строк. Знаешь, как я соскучилась! В общем, так, я работаю до пяти, если не торопишься, дождись. Сейчас извини – ждут больные.

– Конечно, дождусь, мне торопиться некуда.

Счастливая от встречи, Ирина поцеловала Владимира в щеку и радостная убежала к своим подопечным. Озадаченный кавалер побрел в другую сторону. Поглощенный мыслями о ней, он не заметил, как вышел на набережную.

По реке Витим стелился туман. Видно, образ молочных рек сказочники взяли отсюда. Красота! Кто бывал здесь осенью, воочию могли убедиться в этом. С каждым днем красивее тайга. На склонах гор от многообразия красок колоритнее делаются леса. Долины становятся звонче и просторнее. Луга покрываются золотистым оттенком. Небо и то выглядит лазурнее, чем летом. В общем, не край, а сказка.

Владимир долго наслаждался прелестями природы, пока не взглянул на часы: стрелки показывали половину четвертого. Он пос-

пешил в сторону городского рынка, чтобы купить цветы. Время поджимало. Пришлось поймать такси. В назначенный час он уже стоял с огромным букетом в руках.

Ирина появилась в проеме дверей на пять минут позже. В модном брючном костюме, она была неотразима и привлекательна. Русые волосы, как у русалки, свисали до талии и чуть завивались. Глаза искрились радостью. Она легкой, элегантной походкой приблизилась к нему.

– Вы меня ждете, молодой человек?

– А кого же еще?

– Тогда пошли, а то любопытные взгляды пробуравят нас насквозь.

Около дверей стояла кучка женщин, которые пристально наблюдали за происходящим. Владимир протянул цветы Ирине, демонстративно привлек ее к себе, поцеловал и повел к воротам. Затем обернулся и по-мальчишески показал зевакам язык.

Влюбленные шли молча. Ирина наслаждалась ароматом цветов, а Владимир о чем-то думал. Они были рады и одинаково счастливы. Эта прекрасная пара еще не знала, что сегодняшняя встреча изменит их жизнь, и они не расстанутся больше никогда.

ОН ПРИШЕЛ И УШЕЛ НЕЗАМЕТНО

Поселок Новосафоновский – один из самых молодых населенных пунктов Прокопьевского района. Он расположен в живописной притаежной зоне. Рядом есть пруд, где водятся караси, а недалеко лес, куда можно сходить по ягоды или по грибы. В километрах пяти от поселка протекает река Чумыш, за которой начинается красавица-тайга. Почти рядом, в противоположной стороне – город. Может, поэтому поселок облюбовали многие и осели в нем?

Среди новосафоновцев есть свои герои, которые были у истоков развития птицеводства. Кто-то стал первопроходцем, а кто-то просто продолжил начатое дело. Как можно забыть директора птицефабрики Н. Г. Григорьева, в бытность которого предприятие стало миллионером? А сколько людей осталось за кадром истории!

В середине восьмидесятых годов на Сафоновской птицефабрике началась реконструкция производственных объектов. В связи с этим ввели новую должность в штаты ИТР, которую занял А. В. Ребесков. Конструктор на предприятии – дело нужное. Александр Викторович влился в коллектив довольно быстро, но

откуда и когда появился, для многих было загадкой. Он и сам не любил афишировать своё прошлое. Кому нужна чужая жизнь?

Познакомил меня с Александром Викторовичем местный художник-оформитель С. В. Антюшин. Раньше он для меня был как для всех – человек в очках, среднего роста, с армейской выправкой и с линейкой в руке, потом узнал о нем больше. Состоялось знакомство само по себе. Как-то раз я имел неосторожность покритиковать творчество А. В. Ребескова. Стих был действительно сыроватым. Он тогда спросил: «Вы серьезно занимаетесь поэзией или так?» На что я ответил: «Учусь». С тех пор, незаметно для себя, я стал учеником этого человека.

Оказывается, в молодые годы А. В. Ребесков тоже увлекался поэзией и по его подготовке было видно, что серьезно. Александр Викторович хорошо чувствовал слово и ритмику в стихах. Кроме того, а узнал об этом я чуть позже, он при заводе ПЗША был редактором малотиражной газеты. Знание русского языка, практика газетчика и жизненный опыт этого человека много раз обезоруживали меня. Отстаивая свое мнение, я ссылался на свои источники знания, Александр Викторович убеждал своими аргументами. Это был нормальный спор, в котором рождалась истина.

Однажды, совсем случайно, просматривая фотоальбом Александра Викторовича, я увидел снимок, на котором он в форме пограничника с лейтенантскими погонами стоял в обнимку с поэтом Л. Ошаниным. Оказывается, он был в дружеских отношениях с этим человеком. А познакомились они в Чехословакии, куда ездили по туристической путевке. Очень много рассказывал об этой поездке А. В. Ребесков, но один случай я запомнил почти дословно.

«Стоим мы в тамбуре поезда, – говорит Александр Викторович, – только что пересекли границу и въехали на родину, Лев Ошанин задает вопрос: “А слабо тебе, Саша, выдать экспромт? Я же знаю, что ты пишешь стихи”». В это время перед окном показался туалет, на котором раньше писали «уборная», он всегда находился в начале перрона. А. В. Ребесков почесал затылок и ответил:

Как надоело мне готическое кружево,
Где улицы зеваками запружены.
Но в сердце песня просится задорная,
Когда по-русски прочитал: «Уборная».

Лев Ошанин расхохотался и попросил прочесть четверостишие еще раз, затем еще. На время задумался и сказал: «А ты квалифицированно пишешь, Саша. Тебе диплом литератора можно выдать хоть сейчас».

Позже я задал вопрос Александру Викторовичу, почему он не стал заниматься этим делом всерьез. На что он ответил уклончиво: «Видишь ли, есть вещи, которые должны нравиться. Мое хобби – резьба по дереву и фотодело. Стихами занимаюсь тоже, но изредка. Даже стихотворение «Его величество шахтер», которое было опубликовано в отрывном календаре, что в то время было большой удачей, не подтолкнуло на постоянную творческую работу. Стихи должны идти от души через сердце».

Александр Викторович был загадкой для многих. Кто-то считал его чудаком, а многие просто не понимали его. Что плохого в том, что этому человеку удавалось быть пунктуальным и дисциплинированным. Если он сказал, что забежал к тебе на десять минут по какому-то вопросу, то ровно столько и пробудет. Не любил он быть многословным. Если да, то да, а если нет – нет. Может, армейская закалка повлияла на его характер? Быть начальником пограничной заставы непросто. Железный порядок, профессиональная подготовка плюс волевые качества – только они позволяли надежно охранять рубежи родины. К пограничникам требования предъявлялись жесткие.

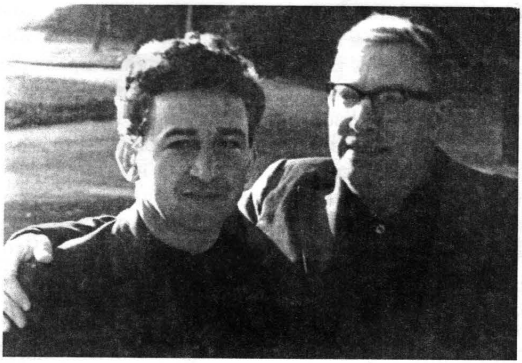
Из воспоминаний Александра Викторовича можно было сделать вывод, что карьера чекиста прервалась из-за какой-то травмы, произошедшей при неизвестных обстоятельствах. Он говорил, что чуть было не ослеп на оба глаза. Это сейчас медицина продвинулась вперед, а тогда был большой риск – сделать операцию на глазах. Мощные линзы в очках выдавали А. В. Ребескова.

Прогуливаясь как-то по лесу, я случайно встретил А. В. Ребескова. Он шел навстречу с какими-то палками. Мы присели на пригорок и долго разговаривали. Оказалось, он собирал материал для поделок. Александр Викторович показал корень, из которого собирался смастерить змею, и ветку, из которой хотел вырезать человечка.

«Обрати внимание, Николай, – сказал тогда А. В. Ребесков, – ничего не надо придумывать и изобретать, природа сама подскажет сюжет для творчества, надо только разглядеть его в хитрых ее переплетениях и приложить к этому голову и руки. Понятно?» Я молча кивнул и перевел разговор в другое русло. Мне интересно было поговорить на сугубо личную тему, и я начал издалека:

– Александр Викторович, у вас в одном стихотворении есть такие слова: «Я тебя не зову по имени, посвященье в себе таю. Хочешь, землю росами вымою, хочешь песню тебе спою». Кому они посвящены?

– Я их написал своему сыну.

А. Ребесков (слева) и Л. Ошанин

Так я узнал, что у А. В. Ребескова была семья, с которой он на тот момент не общался, что раньше жили хорошо и все. Не хотел Александр Викторович делиться своими семейными тайнами, а в душу лезть было неприлично. В этом он был весь. Коммунист, пропагандист, руководитель кружка фотодела, кружка поделок из дерева, участник массовых мероприятий и просто хороший человек – вот краткая характеристика этого человека.

Перед смертью, где-то за полгода, Александр Викторович не появлялся на людях, разве что ходил в магазин. Чувствовал, видимо, скорую кончину. Как-то пришел ко мне с папкой, протянул ее и сказал: «Вот архив, который мне теперь ни к чему, дарю тебе, сохрани». В этой папке находились три сборника стихов Л. Ошанина с дарственной надписью, фотографии и рукопись стихотворения, которое Ребесков написал после фестиваля патриотической песни в Вене. Это произведение было написано на русском языке, в котором были фразы на немецком. Что меня поразило в стихосложении – русские слова рифмовались с немецкими. По всему видно, что владел он немецким языком хорошо.

Помню случай, как стояли компанией у Дома культуры, когда к нам подошел Александр Викторович. Одна девица, которой не понравились наставления А. В. Ребескова, решила блеснуть своим остроумием и что-то сказала обидное. По национальности она была немкой. Как определил это Александр Викторович – известно одному ему, но он перешел в разговоре на немецкую речь и, поняв, что она не бум-бум, сказал: «Вы даже свой исконный

язык не знаете, о чем с вами разговаривать?» Обескураженная девица осталась в недоумении.

Не стало человека, ушел он незаметно для многих, но осталась память о нем. Не было и пышных похорон, как теперь у новых русских, его похоронила Сафоновская птицефабрика на свои средства. Деревянный крест и все. Пусть не поставили ему мраморный памятник, но кормоцех, который с его участием смонтировали, будет памятником А. В. Ребескову.

ХМУРОЕ УТРО

Колька проснулся рано утром. Дома во всех комнатах горел свет. Из зала доносились приглушенные голоса мамы, бабушки и еще кого-то. Он не мог понять, в чем дело, и стал прислушиваться.

– Отмучился бедняга, – дошло до слуха. – Семнадцать дней без пищи на одной воде жил. Врачи говорили, что самое большое дня три протянет. Видно, сердце здоровое было. Жалко, ведь еще молодой, жить да жить.

– Как же теперь без него детей будешь поднимать, Анна? – спросил опять чей-то незнакомый голос.

– Не знаю, – ответила мама и заплакала.

Колька в свои восемь лет не понимал, что происходит в доме. Он молча лежал под одеялом и смотрел в проем двери. Мимо промелькнули две фигуры – бабушки и дяди Леши. Хлопнула входная дверь – и опять наступила тишина.

– Ивану-то сообщили? – спросил мужской голос.

– Еще в пять часов утра отправила Надежду за ним, – ответила мама, – должны уже подойти. Да, чуть не забыла, напомните мне сегодня отправить телеграмму в Казахстан Анатолию и Вере, а то забуду. Они очень уважали покойного, возможно, смогут приехать.

– Домовину где будете заказывать? – спросил мать опять тот же голос.

– Алексей хочет на шахте сделать. Там хорошие столяры есть, быстро изладят и качественно, даже обобьют.

На веранде послышались шаги, скрипнула дверь, и Колька снова увидел бабушку. Следом за ней появились дядя Ваня, сестренка Надя и братишка Саша.

– Как же так, братка? – забасил дядя Ваня чуть не с порога. – Еще вчера я с тобой разговаривал и на тебе. Вот озадачил всех.

Анна, возьми сверток, в нем новый костюм, пусть дед Ефим и бабка Дарья оденут Николая.

В зале началась опять возня. Сестренку и братишку попросили удалиться из комнаты. Они молча зашли в спальню и сели на кровать. Колька притворился спящим.

– Надь, а Надь, тебе страшно было, когда мы шли по железной дороге к дядюшке?

– Чуть-чуть, когда мимо проходил поезд, а мы стояли у откоса.

– А мне было страшно. Всю дорогу я думал, что кто-нибудь выскочит из-за кустов и нападет на нас.

– В такую рань все спят.

Колька, затаив дыхание, слушал беседу, а одним глазом следил за проемом двери. Он ждал, что скоро войдет на костылях отец, поднимет его и отправит в школу. Так было всегда, когда отец был дома, а не в больнице. Кольке почему-то стало не по себе. Он вспомнил, как вчера отец собрал всех около себя и давал наказ, чтоб слушались мать, хорошо учились, не брали чужого и не играли на деньги в карты. На веранде опять послышались шаги, открылась дверь, и что-то стукнуло об пол в прихожей – это дядя Леша принес зачем-то широкую скамейку.

– Аннушка, печь надо разводить? – спросил дядя. – Я сейчас дрова и уголь принесу.

– Какая печь? Ты в своем уме? – ответила за маму бабушка. – Кто разводит огонь, когда покойник в доме?

– Я-то откуда знал, – буркнул дядя и вышел на улицу.

Из зала опять стали доноситься непонятные звуки. Кашлял и кряхтел соседский дед Ефим. Что-то двигали и переставляли из мебели. Пискливо давала команды местная знахарка баба Дарья.

– Сегодня детей будешь отправлять в школу? – спросил кто-то маму.

– Конечно, пусть сходят и отпросятся на три дня. Сколько там времени? Надя, буди Колю и помоги ему собраться, а ты, Саша, тоже сходи и отпросись.

Колька почувствовал на своем плече руку сестры, открыл глаза и присел на кровати, свесив ноги. Он не мог понять, почему родственники и соседи пришли утром в гости? Спрыгнув на пол, он оделся и вышел из спальни. Посреди зала в новом костюме на скамейке лежал без туфель отец. Лицо его было спокойным, словно он спал. У изголовья горела свеча, а рядом сидели мама и бабушка. Бабушка, заметив Кольку, позвала к себе.

– Вот, Коленька, уснул твой папа навсегда, теперь трудно будет вам, крепись. Хоть инвалид был отец, а доглядывал за вами. Господи, за что такие муки он терпел? Десять лет мучился, бедолага, – закрыв руками лицо, заплакала бабушка Наташа.

– Иди, сынок, в школу, – сквозь плач сказала мама, – скажешь, что умер папа, и тебя отпустят.

Середина ноября выдалась теплая. С утра пошел снег. Шахтерский поселок Красный Углекоп обновился и стал белее. Саша и Коля шли молча в школу. Их обгоняли торопливые прохожие. Казалось, что они тоже спешили только для того, чтоб известить о смерти отца. Но это только казалось.

Школа встретила братьев своей повседневностью. С парадного крыльца дворник сметал снег. Они вошли внутрь и молча разбрелись по классам. Колька не заметил, как присел за парту. Через минуту вошла учительница.

Валентина Сергеевна поздоровалась с ребятами, прошла к столу и сказала, чтобы присаживались. Дежурный по классу доложил обстановку. Все было как обычно, но взгляд учительницы остановился на Кольке.

– А ты, Коля, почему не приготовился к уроку? Ну, что молчишь? Портфель оставил дома?

По классу прокатился смешок.

– Что, язык проглотил? – иронично спросила Валентина Сергеевна.

– У меня папа умер...

– Как умер? – в недоумении переспросила учительница.

– Не знаю, – ответил Колька и заплакал.

– Вот, ребята, у Коли горе, а мы его чуть было не обсмеяли. Извини, мы не знали.

Ребята притихли. Вдруг руку подняла девочка с первой парты.

– Валентина Сергеевна, а умирают навсегда?

– Да, Таня, к сожалению навсегда. Этот процесс необратим, и у Коли больше нет папы. Иди домой, Коля, передай маме мои соболезнования.

Колька шел по улице обратно домой. Уже было светло, но так же падал снег и ложился под ноги. Сама улица была пустынна. На душе у мальчишки творилось что-то непонятное. В ушах звучали слова учительницы: «У Коли больше нет папы, у Коли больше нет папы». Слезы сами текли по щекам. В свои восемь лет он только сейчас ясно осознал, что навсегда потерял отца.

ЧЕРНАЯ МЕТКА

Николай сидел в кресле и смотрел на портрет, где он и его старший брат стояли у сирени. Тогда одному было двенадцать лет, а другому – пятнадцать. Оба чернявые, молодые, красивые, но только у Николая был овал лица чуть-чуть вытянутый. Все говорили, что он больше похож на мать, а Александр – на отца. Все это было так, но и между собой они походили внешне сильно. Лишь волосы у одного были мягкими и послушными, а у другого – грубыми, как щетина.

Когда это было? – вспоминал Николай. – Сколько воды утекло с тех пор? Весной тридцать лет будет. Как время летит быстро. А ведь тогда брат был еще здоровым. Учился в училище на тракториста. Жизнерадостный и веселый, он ходил в клуб на танцы. Занимался спортом и готовил себя к службе в Советской Армии. После училища закончил в ДОСААФе курсы шоферов. Работал трактористом на птицефабрике и зарабатывал копейку на жизнь. Даже мотоцикл купить смог. Все было путем, но перед призывом травмировал палец на левой руке и после этого заболел сахарным диабетом в тяжелой форме. Судьба приговорила Александра к неизлечимой болезни. Удар для семьи и самого Александра был сокрушительной силы.

Я не буду оформлять инвалидность, – говорил тогда Саша. – Пусть государство заберет свою пенсию. Что я себя не прокормлю? Продолжая работать трактористом, затем – шофером, Александр скрывал свою болячку. Он был верен своему слову до поры, пока болезнь не приковала его к постели основательно.

Николай с малых лет считался с мнением брата, уважал его и брал пример. Брат с восьми лет стал ему наставником. С тех пор, как не стало отца, он был заступником для Николая и воспитателем. Мать в то время работала на железной дороге путевым обходчиком, да еще домашнее хозяйство на своих плечах тащила. В своем доме всегда дела находились. На воспитание детей времени практически не было.

Все же детство было самое лучшее время для нас, – вспоминал Николай. – Тогда с отцом жили, нужду не испытывали. По бочке капусты, помидоров, огурцов заготавливали на зиму. На мясо выращивали бычка и трех поросят. В праздники вся родня любила у нас в доме собираться. Мать к тому же была отличной стряпухой – пироги не выводились. А как с братом бегали через

гору в зенковский парк купаться и кататься на каруселях, как удили там карасей, как ходили по грибы в лес и строили шалаши в яре у реки Абы. Как все пацаны, жгли на поляне костры, пекли картошку и жарили сало. Зимой катались на санках и лыжах, прыгали с крыш в сугробы и крутили сальто. Как чуть-чуть он не задохнулся в сугробе, откуда опять же вызволил за ноги брат.

Всегда вместе в радости и в горе, держались друг за друга. Копали землю на огороде, пололи грядки, собирали ягоду на варенье. Было дело, шалили, за что мать ставила обоих в угол. Както раз получили такую взбучку от матери, что долго помнили горячий вкус ремня. К тому же было за что.

Александр во всем был первым среди сверстников, первым прокладывал со спуска лыжню, первым прыгал с трамплинов, первым нырял с тридцатиметровой вышки. Он был бесстрашным человеком. Даже позже сахарный диабет не смог сломать брата, который продолжал жить и бороться за свое место под солнцем.

Когда Николай служил в армии, Александр вел с ним переписку. В письмах поддерживал брата, советовал, сообщал новости из дома. Перед демобилизацией из Советской Армии уговорил его не оставаться в Монголии на заработках. Он написал так: «Не дури, Колян, приезжай домой, денег всех не заработать. Только на месте камень мхом обрастает. Шоферы здесь тоже получают неплохо. К тому же неизвестно, сколько я проживу. Подумай хорошо».

В висках стучало: «Сколько я еще проживу?»

Николай перевел взгляд с портрета на лежащего в предсмертной агонии брата, который тяжело дышал, а вернее, хрипел. «Братик, мой бедный братик», – шептал Николай. Не верилось в сказанное врачами скорой помощи, что через какое-то время самый дорогой и родной ему человек покинет этот мир навсегда. Ведь до этого были приступы комы, из которых Александр выходил и продолжал жить. Хотя полноценной жизнью это не назовешь. Более полутора лет он находился в неподвижном состоянии. Общался со всеми при помощи азбуки – показывая на буквы пальцем. Первый год надеялся, что встанет, а потом только одной надеждой жил – увидеть внука. Ради этого, возможно, стоило крепиться и столько терпеть мук.

Здесь же вспомнился Николаю вчерашний случай, который произошел по дороге из Кемерова. Как только выехали на трассу и разогнали автомобиль, в зеркало заднего вида ударилась сова

и расколола его корпус. Откуда она появилась на дороге в вечернее время, одному богу известно. Николай где-то слышал, что когда дикое животное попадает под колеса, а птица ударяется в стекло и они погибают, то это плохая примета. В народе эту примету называют «черная метка».

– Дядя Коля, – прервала мысли племянница Олеся, – мне пора кормить маленького Сашу, я сейчас схожу домой и вернусь. Если что, зовите.

– Конечно, конечно, ступай с Богом, я покараулю твоего папу.

Когда хлопнула входная дверь, Николай поднялся с кресла и подошел к брату. Взяв за руку Александра, он ощутил холод. «Неужели, это все? Вот тебе и черная метка, – подумал он. – Вот так, не приходя в сознание, не сказав на прощание слова, Александр уйдет от нас?» Но сердце продолжало биться в груди, клокотать, только дыхание участилось.

В комнату вошла заплаканная супруга, которая чуть-чуть оклемалась после страшного приговора врачей. Она присела к постели мужа и стала гладить его по руке. Николай оставил их наедине, а сам вышел в кухню. Не успел он налить в бокал воды, как услышал крик:

– Коля! Коля! Саша умирает!

Николай подбежал к брату, но уже было поздно. По открытым глазам Александра он понял, что брат умер. Когда закрыл ему глаза и убрал руку, брат судорожно сделал последний вздох, а может быть, выдох. Николай отошел в сторону. Слезы самопроизвольно катились по щекам. Чтоб успокоиться, он присел в кресло, зажал руками виски и снова направил взгляд на портрет. В этот раз его мысли были заняты не воспоминаниями, а горькой реальностью.

Через неделю после похорон Николаю приснился сон. Как будто наяву они встретились снова. Николай любил брата и всегда был рад его видеть. Александр, как всегда веселый, нарядный и красивый, пришел в гости. Загадочно встал в дверях, поздоровался.

– Ну, что не приглашаешь? – с улыбкой сказал он.

– Ты же умер, Саша.

– А я видел, как вы суетились около меня. Мне страшно было вернуться к вам. Теперь мне хорошо. Видишь, какой я здоровый.

– Ты же умер, Саша. – повторил Николай.

– Нет, я не умер. Видишь, к тебе в гости пришел.

– Не обманывай, это сон. Я же помню, что тебя похоронили.

– Ха-ха-ха. Ну, ладно, не верь.

На этой фразе их диалог прервал звонок будильника и Николай проснулся. Через минуту пришел в себя. На душе уже не было такой тяжести, которую он испытывал еще вчера. Лежа в постели, он прокручивал слова брата. «Там ему хорошо. Неужели, правда? Хотя, действительно, смерть избавила его от всего и сразу. Большое горе – потерять брата, но и смотреть, зная, что не поможешь ему, тоже горе. Так и так плохо. А может, он страдал за чьи-то грехи? Теперь одному Всевышнему известно. Все мы грешные. В одном прав Александр, он всегда останется в памяти живым. Прости, Саша».

ОСОБАЯ ОХОТА НА КОЗ

Солнце над монгольской землей стояло в зените. В районе Сайншанды, недалеко от монголо-китайской границы, шли штабные учения танковой армии, базирующейся на территории братской страны. Советские войска находились там по приглашению правительства Монголии уже давно, «защищали интересы малочисленного народа».

Седьмой день учений под палящим солнцем вносил свои коррективы в настроение солдат. Уставшие и изнуренные, они выполняли свои функции, поддерживали жизнедеятельность штаба армии. Очень хотелось им вернуться в свои казармы и отдохнуть как следует. Но служба есть служба.

Офицерскую полевую кухню обслуживали взвод стрелков и отделение автороты из отдельного батальона по охране и обеспечению штаба армии. Во время учений этим сводным подразделением командовал личный повар командующего прапорщик Кабылаш. Готовить пищу для высшего офицерского состава непросто. Влюбленный в свое дело, он старался разнообразить пищу, чтобы угодить едокам, а особенно первому лицу.

В обед, когда все поели, он подозвал к себе водителя ЗиЛ-130 и скомандовал:

– Сегодня вечером поедешь с офицерами на охоту. Смотри, не подведи меня. Съездишь удачно, поощрение гарантирую. Иди, готовь агрегат к старту. Я очень на тебя надеюсь.

Во время службы побывать на охоте – заманчивое мероприятие. Для рядового срочной службы вдвойне. Поэтому Иванов отнесся к делу серьезно и подготовил автомобиль должным обра-

зом. В назначенное время подошли лейтенант Данченко и капитан Чайковский.

– Ну что, готов, воин? – спросил капитан.

– Так точно, – ответил Иванов и заулыбался.

В поисках мигрирующих сайгаков пришлось час колесить по пустыне Гоби. Вскоре труд рядового Иванова вознаградился: в стороне они увидели гурт коз, которые медленно передвигались в противоположную сторону.

– Данченко с винтовкой в кузов, а ты, служивый, жми на газ, – скомандовал Чайковский.

Взревел мотор, и машина помчалась к цели. Нагнать животных оказалось не так-то просто, они, обнаружив погоню, стали удирать со скоростью более шестидесяти километров в час. В трудных дорожных условиях зилок ехал чуть быстрее коз. Через четверть часа появился первый трофей, которого сразил из автомата капитан прямо из окна автомобиля. Следом упал другой сайгак, сраженный наповал из винтовки.

– Все, стой! – приказал капитан и, не дождавшись полной остановки, спрыгнул с подножки и поочередно перерезал штык-ножом гортани у животных. Тушки закинули в кузов – и погоня возобновилась.

Впереди виднелся шлейф пыли. Древний зов предков пробудил инстинкт охотников у всех участников. Иванов давил на педаль с такой силой, что казалось, еще чуть-чуть надавит и в полу кабины будет дырка от каблука сапога. Дистанция сокращалась. Еще маленько и удача гарантирована.

– Стой! – скомандовал Чайковский. – Я говорю, стой, мать твою коромыслом, пристрелю! – и дуло автомата заглянуло в лицо солдата. Иванов испугался и стал тормозить.

– Объясните, в чем дело? – недоуменно произнес Иванов.

– Не спрашивай, делай, что приказываю! – кричал капитан. – Теперь поворачивай обратно. Вот так, молодец, а сейчас дави на всю железку и не подведи.

Через некоторое время по кабине постучал Данченко. Машина остановилась, и лейтенант пересел в кабину. Молчком присев на сиденье, он вытащил портсигар и закурил.

– Вот и у китайцев в гостях побывали, – сказал капитан.

– У каких китайцев? – снова недоуменно спросил Иванов.

– Ты действительно не понял или прикидываешься? – почти в голос спросили офицеры.

– Что не понял?

– Раз не понял, так и знать незачем, – махнул рукой капитан.

Прапорщик Кабылаш встретил охотников с распростертыми объятьями. Лично освежевав трофеи, он сложил мясо в бак с холодной водой на вымачивание и приказал поварам приготовить рагу на завтрак, а ливер пожарить прямо сейчас. Свеженина получилась отменная. Отведав потроха, охотники были довольны вкусным ужином.

На другой день, как предполагал прапорщик Кабылаш, так и получилось. После завтрака к нему подошел адъютант командующего и поблагодарил за службу от имени первого лица. Прапорщик был на седьмом небе, но он не остановился на этом и через день опять удивил всех кумысом из верблюжьего молока, раздобытого у монгольского населения.

Закончились ученья, но служба у рядового Иванова продолжалась. Он готовил автомашину к новым испытаниям, а параллельно завозил продукты в банкетный зал кафе «Селенга». Прапорщик в долгу не остался и поощрил солдата коробкой тушенки, которую сэкономили за счет козьего мяса.

Охота на коз стала забываться. Но не прошло и месяца, как о ней заговорили снова. На построении на обед ротный объявил о том, что рядового Иванова вызывают в штаб батальона к командиру. После обеда он пошел к комбату.

– Почему тобой интересуется особый отдел? – строго спросил тот.

– Не знаю, – пожал плечами рядовой.

– А кто должен знать? Ладно, потом лично мне доложишь. Иди, тебя уже ждут.

Подполковник особого отдела армии пил чай, когда в дверь постучали.

– Да-а! – протяжно произнес особист.

– Разрешите?

– Разрешаю, разрешаю.

– Рядовой Иванов по вашему приказанию прибыл.

– А, перебежчик, проходи, присаживайся. Разговор у нас предстоит серьезный, а возможно, и долгий. Расскажи-ка мне о том, как хотел удрать к китайцам? Что смотришь удивленными глазами? Мне все известно. Слушаю тебя.

– Кто вам наговорил такой ерунды, товарищ подполковник? Я в голове такой мысли не держал.

– А на охоте? Вот объяснение капитана Чайковского, где черным по белому написано, что он, когда увидел полосатый столбик, приказал рядовому Иванову, то бишь тебе, остановиться. Было такое дело? «Но он, не сбавляя скорости, продолжал движение». Согласен? «Только автомат, нацеленный на солдата, заставил его остановиться». Верно?

– Верно. Но я не видел полосатого столбика.

– А вот лейтенант утверждает, что ты мог его видеть. Прочитать его объяснение?

– Не знаю, что он утверждает, но я, честное слово, его не видел.

– Значить, в Китай ты ехать не собирался?

– Что мне там делать? Меня дома ждут.

– Верится и не верится. Но учти, если выяснятся другие обстоятельства дела, будешь отвечать по всей строгости закона. Вот послушай, что говорят про вас по радио китайцы, – включив диктофон, сказал подполковник.

На русском языке с китайским акцентом диктор сообщал новости: в 18 часов 45 минут в районе Сайншанда автомобиль ЗиЛ-130, принадлежащий военной части № 15678 танковой армии, нагло вторгся на территорию КНР и углубился на расстояние 50 метров. Когда навстречу выехал дозор пограничников, автомобиль резко развернулся и удалился на территорию Монголии. Об этом инциденте был проинформирован посол СССР в Пекине.

– Слышал, теперь об охоте в Москве знают, – выключая диктофон, пояснил особист. – Ладно, ступай к себе в расположение, если понадобишься, вызову.

Больше рядового Иванова не вызывали в особый отдел. Он благополучно отслужил, уволился в запас и уехал домой. Вспоминая монгольские просторы, которые исколесил вдоль и поперек, он всегда рассказывал об этом случае. Какие наказания получили другие участники охоты, он не знал, потому что с того дня с ними больше не виделся. Наверно, перевели офицеров на другую службу, куда-нибудь подальше от штаба, или отправили на родную землю. К нарушению дисциплины относились тогда очень строго.

СТИХИ

Ямб, хорей, анапест, дактиль, амфибрахий –
Выбирай, твори, чтоб стих был пылким, жарким.
Зарифмованные строки – закодированная жизнь –
Идеалы и пороки, ключ души и слов крылатых высь.

НЕМНОГО О СЕБЕ

Я был ребенком, и меня любили,
Дарили нежность, радость, красоту,
А вместе с этим честь беречь учили
И верить в свою светлую мечту.
Любить леса, поля, моря и дали,
В которых все твое, как и других.
Родителей любить за все, что дали,
И чтить всегда как самых дорогих!

ТВОРИ БЕССМЕРТИЕ

Я не умру, пока мои стихи
Читаться будут кем-то в этом мире,
Пока не станут для души глухи –
На слух восприниматься слаще лиры,
Пока не смогут меткою строкой
Бить наповал невежд и равнодушных,
Пока не скажет лучше кто другой –
Точней, красивей, образней – про сущность.
Про сущность жизни или же о том,
Что нас волнует, мучает, тревожит,
Что гнездышко родное – отчий дом,
Что жизнь, семья, любовь всего дороже.

ОБЕЩАНИЕ ПЕРЕД ДЕМБЕЛЕМ

Монголия – страна пустынь и сопок,
Я странник здесь, обласканный тобой.
В твоих просторах средь дорог и тропок
Я заплутал, покинутый судьбой.

Здесь я несу почти два года службу.
Здесь хорошо, но лучше мой Кузбасс.
Я не забуду искреннюю дружбу,
Которая сплотила очень нас.
Зной Сайншанда, и ветерок Булгана,
И шлейф тумана утром над рекой,
Арбай-Хэрэ и солнышко Дархана
В душе оставлю памятной строкой!

МОНГОЛИЯ

Я помню о тебе, страна Монголия, –
Твои дороги мне немало стоили:
Я был с тобой солдатом срочной службы,
Водителем во имя нашей дружбы.
Глаза песок слепил пустыней голою.
Ты своенравною была, страна Монголия.
Вздыхал зилок, подъемами натружен,
Я вел его туда, где груз был нужен!
Твой ветер хлесткий с непривычной болью
Вдыхали пополам с песком, Монголия.
Вдыхали вьюги зимние без снега
И летний зной с полуденного неба.
...Порой подумаешь о том, а помнить стоит ли,
Чего лихие повороты стоили?!
А стоили они мне – годы стоили!
Ты в сердце у меня, моя Монголия!

НА ПРИВАЛЕ

В. Шумкову

Ты помнишь нашу службу, друг?
Нам не забыть вовек галеты,
Как не забыть тот тесный круг,
А в нем солдатку-сигарету.
В себя вдыхая сизый дым,
Мы вспоминали на привале

Родной Кузбасс, а кто – Надым
Или Тбилиси – генацвали.
И, с мыслями собравшись, там
Мы уносились ближе к дому
И до команды: «По местам!»
Глотали сладкую истому.
Сейчас мы вместе за столом
Сидим и службу вспоминаем,
За тех, кто служит за бугром,
Свои бокалы поднимаем.

МИФИЧЕСКИЙ СОН

Однажды я увидел сон.
Он был волшебный и желанный.
Там небосвод синел туманный,
Гора вершилась Геликон,
Парил источник Ипокрена
И вверх взлетал крылатый конь,
Он весь светился, как огонь,
Во рту его кипела пена.
Я окунулся головой,
Где бил ключом исток священный,
Прилив почувствовал блаженный –
Восторга, славы вековой.
Весь сон Пегас летал, как птица,
Крылатой рифмой осыпал,
Но я проснулся, он пропал,
Мечтою стала небылица.

ГОРОД ДЕТСТВА

Прокопьевск – город мой шахтерский,
Где терриконы шахт и дом.
Пусть не похож он на заморский –
Здесь дед мой славился трудом.
Здесь голопузым я мальчишкой
Удил в обвалах карасей,
Сидел за партою над книжкой
И познавал в беде друзей.

Здесь все родное, сердцу ближе,
Хмельнее запахи цветов,
И ветер ласковее лижет,
И внятней шепоты кустов.
Здесь мамы и отца могилы,
Здесь дорог каждый уголок,
Здесь набирал я опыт, силы,
Здесь жизнь давала мне урок.
Прокопьевск – город мой шахтерский,
Ну где еще сыскать такой?
Чтоб был невзрачным и неброским,
Но сердцу очень дорогой!

ЛЕТНЯЯ ЗАРИСОВКА

За фермой где-то солнце село.
Умолкли крики петухов.
Луна на трон взошла несмело
Царить до первых петухов.
Исчезла в сумерках деревня.
Крестьянский сон – он до росы.
Лишь тихо шепчутся деревья
И беспокойно брешут псы.

ГОДЫ ПИШУТ ПОРТРЕТ...

Как повеса, жил, не думал сроду,
Что наложен отпечаток лет,
Стал я старше не судьбе в угоду,
Просто годы пишут мой портрет.
Стоп, мгновенье, дай же оглянуться,
Вспомнить детство, чтобы вновь стремглав
Побежать и в юность окунуться,
Утопиться, силы истрепав.
Что за вздор, и что я размечтался?
То ушло, второго не дано.
Жизнь – не пленка, ясно – зря старался
Прокрутить обратное кино.

СМЯТЕНИЕ ЧУВСТВ

Скворцы ликуют, издавая трели.
Звенит капелью ледяной хрусталь.
Пробушевали снежные метели.
Ушла зима в неведомую даль.
В любви моей к ней не было сомненья –
Как только дунет слабый ветерок,
Придет она мечтою из забвенья
В наш милый и укромный уголок.
Где солнце улыбалось нам, светило,
А мы любили вдоль реки гулять.
Где было очень весело и мило,
Хотелось петь, смеяться и плясать.
Вновь слышу я знакомые мне трели,
А облака плывут куда-то вдаль.
В душе еще не улеглись метели.
Все пронеслось, но мне чего-то жаль.

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Я люблю, когда тихая ночь
Обнимает туманом и мглой,
Как луна, ее верная дочь,
Через мрак наблюдает за мной.
Я в траву на лугу упаду
И вдохну аромату сполна,
А потом, будто в пьяном бреду,
Прошепчу: «Что не спится, луна?»
Вдохновенье придет с тишиной.
Рифмы станут меня донимать.
Мир земной, во Вселенной – иной,
Как мне вас сопоставить, понять?
И в себе разобраться не прочь.
Что же манит в ночные луга?
Чем такая вот звездная ночь
Мне до боли в душе дорога?
Потому что однажды в ночи
Я ошибся. Погасла звезда,
Что светила. Не светит. Молчит.
Не подскажет, а дальше куда.

Все смогу я для счастья пройти.
Все свершить, одолеть, превозмочь,
Лишь бы спутница жизни в пути
Стала близкой, как звездная ночь.

СЧАСТЬЕ

Долго я во времени шагал,
Ошибался и сходил с дороги.
Наконец я счастье увидал
После дней сомнений и тревоги,
– Заходи скорее, – я сказал, –
Дай взглянуть, насытиться тобою.
Усажу за стол тебя я в зал,
Будем пировать одной семьею.
Наливай душистый чай и пей,
Смехом разгони тоску и горе.
Я тебя искал до этих дней,
Дай же накупаться в твоем море.

ЛЮБОВЬ

Любовь пришла, как южная весна,
С твоим теплом и лаской нежных рук.
Как хороша и сладостна она
После страданий и житейских мук.
Она в цвету, как летняя пора,
Манит ключом журчащим нас на луг.
Я одиноким был еще вчера,
Сегодня же – любимый, милый друг.
Она подобно осени зажглась
И плодотворна в прелести земной,
На долю мою кроткую пришлась
Под этим небом, солнцем и луной.
Любовь прекрасна даже злой зимой.
Она чиста, как в поле первый снег.
Она всегда останется со мной,
А чувства вечно будут только с ней.

ЛЮБИМОЙ

Прекрасней нет создания на свете,
Чем женщина, которую люблю.
В ее тюрьму хоть в кандалы, хоть в сети
Пойду покорно, как фанат в петлю.
И буду ей рабом до самой смерти,
Последнее отдам вплоть до гроша.
Пусть ад горит и веселятся черти,
Мне нипочем, когда в огне душа.

ЗИМНЯЯ ПРОГУЛКА

Мы по заснеженному лесу
Идем утоптанной тропой.
Тебя встречает, как принцессу,
Природа в дымке голубой.
И вторит эхом вся округа
На крик мой: «Э-ге-гей, зима-а!» –
Любви невольная подруга,
Мы от которой без ума.
Как хороши твои просторы!
Опрятен лес до белизны,
Где с ветром пташки громко спорят
О том, что близок час весны.
Моя ж весна в душе со мною
Теплом по телу разлилась.
Не оттого ли, что с тобою
Меня навек любовь свела?!

ПОЖЕЛАНИЕ

Цвети, как май, во все года,
Люби, верь в счастье и надейся,
Будь жизнерадостной всегда,
Лишь над другими зло не смейся.
И береги того, кто есть,
Который любит и тоскует,
Тебя напрасно не ревнует
И знает, что такое честь.

ГАРМОНЬ ЛЮБВИ

Люблю напев гармони тульской
Под переборы голосов!
Где вздох души исконно русской
Взывает нежностью басов.
В мехах живет тревожный трепет:
И радость жизни, и печаль.
Волнует нас, как детский лепет,
С любовью венчанная даль.
Под боль и стон ее аккордов
Вдруг вспомнишь милое село,
А с ним девчат, любви восторги.
Что было в прошлом, то прошло.
Прошло! Прошло! И канет в Лету
Твоих волос до плеч разброс.
Где ты сегодня? Где ты, где ты?
Под звонкой песнею берез?..
Люблю напев гармони тульской,
Ты только ей не прекословь,
Она сама споет по-русски
Про нашу первую любовь!

ОТВЕТ БЕЗ СЛОВ

– Любишь? Честно скажи, – я спросил невпопад,
Ты молчала в ответ. И кружил листопад.
Знаю, слово не лист – не сорвешь с милых уст.
Лишь молчанье прервал под ногой ветки хруст.
И я крепко прижал твое тело к груди,
Только сердце твое мне шептало: «Уйди».
Я не знал, что мне делать и как дальше быть,
Вместе с хрупкой надеждой ты смогла все убить.
Ветер в ухо шептал: «Будь настойчивей, друг,
Счастье крепче держи, а то вырвут из рук».
Я не смог, оробел и объятья разжал,
Отпустил, потерял, очень жаль, очень жаль.

ДРУЖЕСКИЙ СОВЕТ

Ты удивительно загадочна, Светлана!
Глаза твои, я вижу, с огоньком,
Но лед в моих глазах, лишь нет обмана,
Я был всегда серьезным пареньком,
Не посылал в твой адрес ни намека,
Не говорил зря нежных фраз и слов.
Мы далеки, и до любви далеко –
Храни супругу верность и любовь.

ДВЕ ДОРОГИ

Дороги наши не пересеклись
И не сошлись, чтоб стать одной дорогой:
Мы в чем-то и когда-то разошлись
И разминулись где-то в жизни строгой.
Ты где-то там, в далеком далеке,
Но сердце говорит, что с ним ты рядом.
Твоя рука – нет, не в моей руке,
А память травит душу, словно ядом.
Бредем с тобой на встречу вечной тьмы,
Пока живем и черви не заели,
Но перекресток наш зря ищем мы...
Коль жизнь у нас – сплошные параллели.

НОЧЬ

В суете промчался день.
В черном платье ночь явилась,
Мраком всюду расстелилась,
Наложив на землю тень.
А луна, ее сестрица,
Неба звездного частица,
Чтоб не видели печаль,
Скрыла лик свой за вуаль.
За вуалью тучек этих
Где-то и моя звезда.
А вокруг так тихо-тихо,
Будто ночь была всегда.

ОСЕННЯЯ БЛИЦ-ИГРА

В бронзовой кольчуге стройный тополь
Встал, как богатырь, на пустыре,
Вслушался в дождливый беглый топот,
Загрустил, дружок, о сентябре:
О поре чуть грустной, но любимой,
О последней стае певчих птиц,
О поре былой, но обратимой,
Той, что проиграла время в блиц!

ВЕТЕРАНЫ

Им время передышек не давало,
К победе звало ратной, трудовой,
А в наши дни совсем их стало мало,
Кто смерть встречал дорогой фронтовой.
На лицах их застыла тень печали.
В душе осколок – память о былом.
Все верили в Победу и мечтали,
Что выживут, вернутся со щитом.
Они друзей теряли после боя,
Кого калекой делала война,
Но автомат строчил бесперебойно.
На фронт в тылу работала страна.
Они дошли живыми до Победы,
Но снова фронт, тяжелый, трудовой.
Остались в прошлом голод, страх и беды.
Фашизм разбит советскою рукой.

ТРЕВОГА

Над Землею нависла угроза –
НАТО миру готовит войну.
Есть на каждого страшная доза:
Сто смертей в ней на душу одну.
Сделать космос хотят полигоном,
А мишенью планету Земля,
Уничтожить живое нейтроном,
Пеплом смерти засеять поля.

Маскируясь под добреньких дядей,
Они рвутся уже на восток,
Подобрались к нам спереди, сзади.
Коль не мы, кто им скажет: все, стоп!
Мы боролись, и будем бороться,
И неважно, чей козырь главней.
Пусть сознанье и трезвость проснется
У стратегов в больной голове.

ОБЕЛИСКИ

Вдохни, земля, всем телом, не стони,
Мы память чтим минутою молчания.
С войною было долгое свидание,
В боях тянулись лихолетья дни.
Страдал народ, и плакала земля,
Не плуг пахал ее, а бомбы, мины
И разрушали города в руины,
И смерть ползла, как лютая змея.
Вновь слышу эхо проклятой войны.
Афганистан добавил обелисков.
На них мы снова видим павших списки,
Земля вам пухом, славные сыны!
Молчит гранит, мерцая серым блеском.
В наш атомный двадцатый шаткий век
Не допусти ошибки, человек,
Чтобы Земля не стала обелиском.

Я ПРИКРОЮ...

Над селом светлеет небосвод,
Гаснут звезды на пути рассвета,
И несет Ускат стремнины вод
Через годы вечной эстафетой.
Только время память не сотрет.
Забывать те дни бесчеловечно
И парней, чья слава не умрет,
В подвиге записана навечно.
И твоя, солдат Сергей Чернов,
Не исчезнет под плитой кургана.

Подвиг твой не ради орденов –
Ради жизни тех, в Афганистане.
Нет тебя средь нас сейчас, Сергей,
Ты погиб, а мы еще порою
Слышим эхо из далеких дней:
«Отходите, братцы, я прикрою!»
От Уската до афганских гор –
Полог предрассветного тумана,
Видел бой он, помнит и с тех пор
Росы льет, как слезы, над курганом.

В ПАМЯТЬ О МАТЕРИ

Навернулись, выступили слезы,
Как в далеком детстве, от обид.
Не шепчитесь, знаю сам, березы,
Не вернуть мне мать – хоть вой навзрыд.
Скорбь души не утопить в стакане,
Не рассеять с мелочью удач,
И сама с годами не отстанет –
По пятам идет, хоть плачь не плачь.
Память эхом в мыслях отдается.
Я молю: прости, мать, – есть за что.
Без прощенья трудно мне живется:
Все не так сложилось и не то.

В ПАМЯТЬ О БРАТЕ

Падают слезы, как с листьев роса,
Горечь утраты – открытая рана,
Словно стрелою прошила гроза
Грудь, распирая волной ураганной.
Пусто кругом, будто умер я сам,
Горе, как червь, изнутри пожирает:
Рано вознесся ты, брат, к небесам,
Бросив меня между адом и раем.
Как мне смириться с потерей такой?
Как позабыть нашу братскую дружбу?
Будь ты неладна, старуха с косой,
Хоть состоишь ты у Бога на службе.

Знаю, тебя уж поднять не смогу,
Даже до дна осушу я глазницы,
И от себя никуда не сбегу,
С вихря событий не вырвешь страницы.
Скоро начнет хулиганить весна.
Смерть твою, Саша, оплачут капели.
Лес наш очнется от зимнего сна,
Где мы с тобой под березкой сидели.
Как ты любил жить средь этих красот!
Как восхищался сибирской природой!
Ну а тебя сбил судьбы поворот,
Только оставил следы на дороге.

ОГОНЕК ЖИЗНИ

Жизнь задает нам ритмы вальса
И старит в вихре с каждым днем,
Мы свечкой таем под огнем
Иль тухнем от слюнявых пальцев.
Оберегайте фитилек,
На нем танцует огонек,
Вальсирует он неустанно.
Кто знает, что с ним завтра станет?
Кому – гореть, кому – погаснуть
Самой судьбой предрешено.
А изменить? Нет... Труд напрасный,
Что воду черпать решетом.

НАПУТСТВИЕ

Молодежь, добрых дел вам! Удачи
В неразгаданном дальнем пути!
Нет сложней в вашей жизни задачи,
Чем задача себя обрести.
Кто-то станет врачом, инженером,
Кто – пилотом, а кто – кузнецом.
Важно в деле своем быть примером,
Важно в жизни не стать подлецом.

Не ловчить, не юлить, пробивая
В жизни собственную колею.
Жить – гореть. А не жить прозябая
За спиною у тех, кто в строю.
Встаньте в строй, только с совестью чистой,
В строй, в котором и подвиг, и труд.
В строй, в котором под солнцем лучистым
Настоящие люди идут.

ВЕСЕННИЙ МОТИВ

Пришла весна! Как часто сердце бьется!
Душа поет, как в роще соловей.
Истомою по телу песня льется,
Мотив которой с каждым днем живей,
А музыка природы веселей...

ВОСПОМИНАНИЯ О ШКОЛЕ

О где ты, школьная пора,
Звонок, зовущий с перемены?
Как будто было все вчера –
Уютный класс, в плакатах стены.
На подоконниках – цветы,
Наш «Уголок живой природы»
И парт в линеечку ряды...
...Здесь пролетели вихрем годы,
Где неудач была гроза
И мелкая в делах победа.
А где теперь та егоза,
С соседней парты непоседа,
Которой косу расплетал,
За бантик дергая легонько,
Смешинки на ухо шептал,
Чтоб засмеялась она звонко?
А где теперь учителя,
Которых я забыть не в силах,
Те, кто познаньями делясь,
С безграмотностью нашей бились?

ПЕСНЬ О ЛЮБВИ

Восьмое марта – песня о любви,
Через года летящая, как птица.
Но чтоб мотив той песни уловить,
Мужчинам в жизни надо с песней слиться.
И повторять слова, чтоб наизусть
Их петь, как гимн в награду для любимых,
Чтоб никогда их не коснулась грусть –
Единственных, неповторимых.
О, женщины! Да будут вас венчать
Здоровье, счастье, радость и удача!
Чтоб след морщин, как возраста печать,
Не беспокоил вас! Никак иначе!

Я ВЛЮБЛЕН В БЕЛЫЙ ЦВЕТ...

Крепкий запах черемух в саду
Настоялся на бурной весне.
Первоцвет – это юность в году,
Пенный сад, как свидание с ней!
Шелест листьев и шепот души –
Одинаково тонут в любви.
До чего пьяный воздух душист –
Больше нормы промилле в крови?!
Белый свет, я влюблен в белый цвет,
В изумрудную краску листов.
Юность, здравствуй, а лучше привет!
Повстречаться б с тобою лет в сто.

ЯБЛОНЯ

Яблоня – невеста подвенечная,
Я восхищен твоею красотой.
В ветвях цветы – изображенье вечности –
Переплетаются с несбыточной мечтой.
Дурманят сладко запахи медовые,
Вдыхая их, боюсь я опьянеть,
Свалились с сердца тяжести пудовые,
Так жить прекрасно – страшно умереть.

СЕНОКОС

Свистит коса, с плеч пот струится.
В глазах мелькает бирюза,
Трава под свист в валок ложится,
Под ноги падает роса.
Туман, как дым, стелясь низами,
В ложбинке медленно кружит,
А влага в воздухе бальзамом
Снимает жажду – легче жить.
Как хорошо, душа ликует:
Отменный нынче травостой!
А значит, скот перезимует,
С поляны только трав на стог.
Когда зимой стакан наполню
Парным целебным молоком,
Я это лето сердцем вспомню
И каждый день испью с глотком.

В ПЛЕНУ У ПРИРОДЫ

Потупились у сопок вершины,
По плешинам скользят облака.
Я в восторге от этой картины –
Меня с детства природа влекла:
Своей тайною мудрых загадок,
Своей свежестью и красотой,
И пропитанным кровью закатом,
И осенней багряной листвой.
Она ягодой спелой манила,
По тропе уводила в тайгу,
Красотой своей вечно пленила,
Разноцветьем на дальнем лугу.
А порой щедротой удивляла,
Предлагала богатый мне дар.
Я все брал, что мне в сердце вселялось,
И безмерно душою был рад.

ПЕЧАЛЬ БЕРЕЗКИ

У чистого ключа стоит береза,
Чуть золотою кроной наклонясь,
Какая восхитительная поза –
Как будто ждет, приветствуя меня.
Ей осень марш в ветвях поет прощальный,
А листья слезно падают к ногам.
Так много грусти в образе печальном,
Один лишь вид рвет душу пополам.
Не унывай, мы встретимся весною,
Испьем водицы свежей ключевой
И будем наслаждаться жизнью снова.
Пока, любовь! Навек – поклонник твой!

ДОЖДЬ

Хмурится небо, и ветер свистит,
Черные тучи гоняя.
Между порывами дождь моросит,
Влагою землю питая.
На луг опустилась синь-синева.
Верба стоит одиноко,
В ветках дрожит каждой клеткой листва,
Зябко бедняжке немного.
Там, в вышине, видно, бочка без дна
Льет, то кропит беспрерывно.
А над поляною серость одна.
Радует то, что не пыльно.
Дождик, уймись иль пройди стороной,
В меру хорош ты, верь слову.
Радуга, где ты над речкой парной?
Солнышко, выйди к нам снова!

СИБИРСКИЕ ЗОРИ

Зарево пролил вечер в облака,
А туман клубил, где текла река.
И плыла луна по небу, блеклости стыдясь,
Прячась в облака за гребнем, как бы хоронясь.

Пела и душа в прелестях зари.
Ветер, чуть дыша, веял от Ныгри.
И звезда вдали блеснула, падая с небес,
В юность к прошлому вернула и упала в лес.
Как ты дорога, красота земли,
Где мои года словно расцвели.
Не забуду я поселок среди гор-гольцов,
И глаза, как иглы елок, мудрецов-жильцов.
Матушка Сибирь – в жизни сущий рай,
В нем живет снегирь, прославляя край,
Где зарницами играет вечер в облаках,
Где в тиши ночь замирает, будто на руках.

СЕВЕРНЫЕ ГРЕЗЫ

Мне грезятся суровые морозы,
Заснеженная, хмурая тайга,
Все в инее красавицы березы
И белые, как полотно, луга,
Седые ночи и рассвет багряный,
Сквозь марево чуть томный взор луны,
Кедровки треск порой какой-то странный
И небо бесконечной глубины,
Дни, проведенные в брезентовой палатке,
Вой волка и лисы беззлобный лай,
При взлете ввысь всплеск крыльев куропатки
И страшный след когтистых рысьих лап.
Мне грезятся суровые морозы.
Мне Север въелся в душу навсегда,
Где прошибало на морозе слезы,
Где дни слагались в лучшие года.

ТАЕЖНЫЙ ПРИЮТ

Вдали поселка и зимовья,
Среди гольцов, в глуши тайги,
Балок каюра изголовьем
Стоит под натиском пурги.

Геолог, егерь, просто путник
Найдут в нем дружеский приют,
Он от ненастья им заступник,
Теплом согреет, есть уют:
Лежанка – класс, хвоя – перина,
Где чурки – стулья, доски – стол,
Запас консервов, керосина
И с плотной крышкой в банке соль.
Такая нужная постройка,
Незаменимая в ночи!
Я не забуду запах стойкий
Смолы и дыма у печи...

СУХОЙ ЛОГ

Где тайга пропахла хвоей кислой,
Где грунт схвачен вечной мерзлотой,
Где туманы пеленой навислой
Укрывают прииск золотой,
Пусть считают этот край суровым,
Верю: не отступит человек,
В глухомани будет город новый,
С рудником прославится навек.
Самой важной, нужной в жизни стройкой
Он войдет в грядущие года,
Коль на вахту выступает стойкий
Человек из армии труда.

Я ЕЩЕ ВЕРНУСЬ...

Дикий край, прокуренный туманом,
Где изюбр бодает облака,
Где река шальная с гибким станом,
Как гонец, бежит издалека.
Где в стремнинах солнышко искрится,
Золото лежит по берегам,
Кварц в воде, как омуль, серебрится
И молчит угрюмая тайга.

Где медведь горстями ест бруснику,
Воду пьет, как я остаток дня,
Где глаза большие голубики
Смотрят из-под листьев на меня.
Привитимье – родина тунгуса –
Островок, затерянный в глуши.
Уезжаю, но еще вернусь я...
...Здесь осталась часть моей души!

ГИМН РОДНЫМ ПРОСТОРАМ

Отливы солнца на больших сугробах,
Как бисер, блещут в утренней заре.
Сибирь любить – не разлюбить до гроба,
Она любима мной в любой поре.
Пусть по лицу мне вьюга бьет со злостью,
Я буду сам ей щеки подставлять,
Ведь для меня Сибирь, что бабка с тростью,
Которая грозит накостылять.
Грозит морозом, кожу обжигая,
Но сердце явно стужи горячей.
Когда стихи любви о ней слагаю –
Я словом превращаю снег в ручей.
Поэтому она мне как родная.
Я – сибиряк и потому горжусь.
Без Родины, как грек, не мыслю дня я,
Пусть уголок, но это – тоже Русь!

ЭТЮД

Маревом на лес дыхнул мороз,
И березки инеем покрылись.
До чего ж стиль живописи прост:
Штрих – и все собой преобразилось.
Зелень сосен скрылась в серебре,
Серость утонула в белом ворсе.
Не могу восторг держать в себе,
Восхищение этюдом – вовсе.

БАНЬКА

Курят крыши домов, дым пуская клубами.
Ветерок и мороз обошли все дворы.
Я озяб, не могу, тело просится в баню,
Чтобы душу согреть, разомлеть от жары.
Растопи печь, хозяйка, изладь баньку гостю,
Свежий веник запарь, мяты в таз положи.
Легким паром обдам я озябшие кости,
Нахлещусь докрасна, легче вновь станет жить.
А когда отдохну, разотрусь полотенцем,
Ты мне бражки подай на душистом хмелю.
Я оттаю душой и добрей стану сердцем,
За здоровье твое выпью и помолюсь.
Пусть снега заметут в этот вечер дороги,
Я тогда у тебя попрошусь на ночлег.
Ну а если откажешь, то выручат ноги –
Им привычно топтать подмороженный снег.

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ

Мягко стелет поземка
Снег в лесу на следы.
И безмолвно спит елка
Средь просторов седых.
Спят уныло березки
Этим солнечным днем,
И горят в ветках блестки
Серебристым огнем.
Рядом дремлет рябина,
Разрумянилась вся.
В кистях словно рубины
Надо мною висят.
Спит сосна, спит осина,
Спит тальник у реки,
Но не спит в небе синем
Солнце, всем вопреки.

ЗАВИРУХА

...С утра разгулялась шалунья-пурга.
Пушистыми хлопьями кружат снега.
И воют, свистят в подворотнях ветра.
Не скажешь, что было спокойно вчера.
Ветрам подпевая, гудит в доме печь.
Все окна в избе залепил белый смерч,
Под дверь и калитку сугробов нанес,
На улицу явно не высунешь нос.

СЮРПРИЗ ПОГОДЫ

С погодой этой просто кутерьма:
В календаре весна, а на дворе зима.
Проснулся утром, что за чертовщина?
Другой предстала за окном картина:
Еще вчера буянила метель,
Рыдала за углом и завывала,
Сегодня плачет по зиме капель,
Роняя слезы в снежные завалы.

БУДЬ СЧАСТЛИВ, ДРУГ

«Дядя, дай на хлеб монетку», –
Крикнув, мальчик подбежал.
Стало жалко малолетку,
Дал сколь мог, к себе прижал.
За Россию стало больно,
Я спросил: «Ты чей, малец?»
Он ответил: «Я стал вольным:
Мамы нет, в тюрьме отец...»
«Ох, разжалобил бедняга, –
Влезла дама в разговор, –
Врет, придумал все, салага,
С попрошайки выйдет вор.
Видно, мамка поджидает
Подать с чадом за углом.

И зачем таких рожают?
На аборт – и поделом».
Я ответил резко даме:
«Как ты смеешь? Замолчи!
Мы погрязли сами в сраме,
А малец, как ангел, чист.
Ты всмотрись в глаза мальчишки,
Видишь боль в них или нет?
Да какой же он воришка
Или, как там, салапед?»
Он стоял, глаза мокрели,
И с души сорвался стон:
«Как вы все мне надоели...»
Я смолчал, ведь прав был он.
Дама стала снова охать,
Мол, отбился он от рук.
Долго я смотрел вслед крохе
И молил: «Будь счастлив, друг!»

ШУТОЧНАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ ЗА ЖИЗНЬ

Жизнь жестоко бьет дубовой палкой,
И судьба швыряет в никуда.
А года подхлестнуты нагайкой,
С прошлым улетают навсегда.
Впереди слепая неизвестность
С искоркой несбыточной мечты
Да душе обещанная вечность
После смертной финишной черты.
Так давайте жить и веселиться,
Временные гости на Земле!
Прочь, тоска, хочу вина напиться
И сплясать чечетку на столе.
Если хряпну водки – хряпнусь ниже
И спляшу на пузе под столом,
К чьим-то ножкам подползу поближе
И усну блаженнейшим ослом!

НАЛЕЙ, ЭРАТО!

В моей душе поэзия кипит:
Из слов житейских я слагаю строки.
Пегас, витая надо мной, хрипит –
Сбивает ритм, душевный лад не строит.
А в голове набор дежурных рифм –
Не вяжутся, проклятые, со смыслом...
Вдруг оборвал я рукописный шрифт –
Жена пришла согбенным коромыслом...
– О муза, я так ждал! Ура! Пришла!
– Скорей снимай авоськи, правь походку.
Ты не забыла там? Мне принесла?
Ну, как чего? Понятно, склянку водки!..
...Вот так пойдут дела наверняка,
Налей, Эрато, грустному поэту!
Наутро взял я лист черновика,
Оставил только шуточное это!

ЛЮБИМАЯ ПРОФЕССИЯ

Профессий много бывает,
Лишь мне милее одна,
Та, что пути покоряет,
Радостью, счастьем полна.
Двигатель воет устало,
Шины шуршат ему в такт.
Разве мне этого мало?
Выложен счастьем мой тракт.
Сколько еще встречу новых
Добрых, надежных друзей,
Сколько увижу красивых
Сел, городов, областей!
Я доверяю машине,
Будь хоть сплошной гололед.
Словно я дома – в кабине,
Мчусь к горизонту вперед.
Профессий много бывает,
Но мне милей всех одна.
Та, что в руках оживает,
Радостью, счастьем полна.

УТРО

Весь горизонт, как грудь у снегиря,
Причудливо раскрасила природа.
И улыбается весенняя заря,
Целуя утро в губы небосвода.
Я словно в первый день увидел Свет,
Стою, оторопев, восходу внемлю:
Лучистый из Галактики привет
Шлет Солнце мириадный раз на Землю!

ЗЕМНОЙ МОНОЛОГ

...Однажды мне ромашка прошептала:
Всмотрись в меня внимательно, поэт,
В твоих глазах я лучше и не стала,
Но для тебя есть лучший мой портрет!
Хоть сном, хоть сказкой это назови ты,
Хоть верь, а хоть не верь, я не солгу.
В моем соцветии посмотришь и увидишь,
Как солнце отдыхает на снегу.
Но снега нет, порхают только пташки,
Земную зелень с песней берегут:
Здесь солнца свет – здесь мы в цвету ромашки,
На изумрудно-праздничном лугу!

ДОПИНГ ВЕСНЫ

Весна пришла во двор, капелью в дом стучится.
Оттаяла душа от трели соловья.
Проклюнулась трава под солнышком лучистым,
Природа опьянела, осоловел и я.

ОТЦОВСКАЯ РАДОСТЬ

Когда леса зажглись листвою
И закружился листопад,
А поле желтою травою
Зазолотилось, словно сад,

И среди сказки той осенней,
В начале дня, в свой звездный час,
Под хлесткий дождь и ветра песни
Я стал отцом – Бог дал мне шанс.
Жена дочурку подарила.
Я весел был, счастливей всех.
Душа от чувств в литавры била,
Семейный празднуя успех.
И каждый год, как вспыхнет осень
Листвою кленов и рябин,
Люблю я это время очень
За дочь, за то, что я любим.

СЛАДКИЙ СОН

Ты лежишь, мирно спишь на руке,
Как кино, видишь сладкие сны:
Где бежишь ты со мною к реке,
Молодая, из прошлой весны.
Или, может, стоишь на песке,
Ощущаешь дыханье реки,
Рядом время застыло в броске
Всем законам земным вопреки.
Как ты в грезах сейчас далеко,
А в реальности – дети и дом.
Знаю, милая, что нелегко,
Проживем, только выспись ладом!

ЭПИТАФИЯ

Тебе при жизни не дарил цветов,
Жалел других, не дорожил тобою.
Теперь стою с букетом средь крестов,
Разбит на части и с душевной болью...
«Прости меня», – срывается, как стон.

ПРИЗНАНИЕ

Влажные ресницы, на щеке слеза,
Но с надеждой смотрят на меня глаза.
– Кто тебя обидел? – хочется мне знать, –
Кто тебя заставил плакать и страдать?
Я от счастья плачу, – прозвучал ответ, –
И тебе, любимый, выдам свой секрет:
Скоро между нами третий должен встать,
Этому ребенку ты – отец, я – мать...

НАСТАВЛЕНИЕ

Наталья, Тимофей и Ксюша,
Живите в дружбе и любви
И научитесь старших слушать,
Чтоб мысли мудрые ловить.
Стремитесь познавать науки,
Без них сегодня – никуда,
Чтоб с головою были руки,
А радость шла вам от труда.
Цените в жизни справедливость,
И честность чтоб была при вас.
Такт, миролюбие, учтивость
Сильней враждебности подчас.
Изобретайте, созидайте,
Творите, впрочем, чудеса.
Расправьте крылья и летайте,
Но не витайте в небесах.

БЕЗОТЦОВЩИНА

Мне вслед шептали: «Безотцовщина».
Не понимал, что не со зла.
Терпел, но слово – не пощечина –
Ножом удар из-за угла.
Я убегал, от взглядов съеженный,
И плакал тайно от людей.
Душа была, как конь стреноженный
Средь сытых волей лошадей.

Мать утешала, глядя в сторону:
«Ты не терзай, сынок, себя.
Зачем безумно лезешь в борону?
Таких, как ты, полно ребят.
Пусть сирота, но не безродная
И потому отцом гордись.
Я знаю, доля эта трудная,
Будь мужиком, за жизнь держись!»
...Менялась жизнь, судьбой гонимая.
На детство с детства не сержусь.
Окрепла в нем душа ранимая.
Я им, как и отцом, горжусь.

УТРЕННИЙ КЛЕВ

Сплошная гладь – на водоеме штиль –
В романтике приятное начало,
И тихо режет воду лодки киль,
Туман сползает с плеч, как одеяло.
Камыш, как в шоколаде эскимо,
Торчит вдоль берегов на тонких ножках.
Природа – это больше, чем кино –
Реальный мир с фантазией немножко.
«Сейчас начнется, – веско шепчет друг, –
Увидишь настоящую рыбалку.
Вон там, где разошелся всплеска круг,
Опустишь груз, привязанный за чалку».
Застопорились, весла погасив,
Подкормку побросав, перекурили...
И началось – клевали караси –
За этим делом мы про все забыли!

ВЫЛАЗКА СЕНТИМЕНТАЛИСТА

Вьется запутанный заячий след
В чаще осинок и елей.
В женском сообществе кедр, как дед,
Но умудренный и в теле.
Солнце проклюнулось сквозь облака,
Гладит макушку рябины.

Словно пуховым платком облачась,
Спят на болоте талины.
Лыжи скрипят, утопая в снегу,
Утро лыжней разрезая.
Мордою острой проткнув синеву,
В дымке исчезла борзая.
Слышу: собака, почуяв зверье,
Лает, бедняга, впустую.
Жаль, не имею я фоторужье,
Но чтоб убить – протестую!

СОВЕТ ДРУГУ

Как-то друг на перекуре
Разговор завел о Светке:
Об ее литой фигуре,
О манерах, чисто светских.
Вспомнил он: о страстной встрече,
Об объятьях пылких, жарких,
О дрожащей, тихой речи,
О цветах и о подарках.
Затянулся сигареткой,
Брови черные нахмурил,
И промолвив: «Светка, Светка!,
Сложил руки, словно умер.
Зло добавил: – Вот же штучка,
Так клялась, но изменила,
Вот такая, братец, шутка,
Может, слышишь, не любила?»
Я ответил осторожно:
«На твой век девчонок хватит,
Счастье склеить невозможно,
Оба в этом виноваты.
Успокойся, выжди время –
И оно, как есть, рассудит.
Будь по твердости, как кремень,
Но не вспыхни, хуже будет».

ВЕЧЕР

Вывернут день наизнанку.
Сумерки – детские прятки.
Я возвращаюсь с гулянки.
Ночь наступает на пятки.
В небе луна оголилась,
Как стриптизерша у стойки,
И горизонт озарила,
Словно раздвинула шторки.
Свежестью веет от леса.
Сердце взывает к родному.
Серый туман, как завеса,
Путь преграждает мне к дому.
Вывернут день наизнанку.
Сумерки – детские прятки.
Я возвращаюсь с гулянки.
Ночь наступает на пятки.

ПОТЕРТОЕ СЕДЛО

Вся жизнь – бега, дела – тотализатор,
Цена ее, как ставка на табло,
Азарт трибун – подпитка, стимулятор,
А прошлое – потертое седло.
Года летят, уздечку закусили,
Еще могу держаться в стременах,
Но чувствую, нет прыти той и силы,
Эх, где же вы, былые времена?
Когда в рывке я отпускал поводья,
Влет обгонял спесивых скакунов,
Кричал: Дорогу, чертово отродье!
И взбадривал коня командой: Но!
Вся жизнь – бега, дела – тотализатор,
Цена ее, как ставка на табло,
Азарт трибун – подпитка, стимулятор,
А прошлое – потертое седло.

МАРТ-АИСТЕНОК

Пусть падает весенний, мокрый снег,
Такой же чистый, как душа младенца.
Пусть слышится мне детский, звонкий смех,
Такой же сладкий, как само блаженство.
«Счастливый папа», – шепчет тихо март.
А я в ответ: «Спасибо за девчонок!
За Ксюшу, Настю так безмерно рад,
Не март ты, а с роддома аистенок!»

ПАРК ДЕТСТВА

Утонули в сугробах качели.
Не скрипит колесо обозренья.
Величаво стоят в парке ели.
Смотрит утро в глаза воскресенью.
В тишине вспоминаю о прошлом:
Как гулял здесь зеленым мальчишкой,
Но не помню, когда стал я взрослым?
Когда имидж сменил или стрижку?
Вот и сосны мои повзрослели –
Толще ветви, кудрявее кроны.
Лишь уныло стоят карусели,
Как ушедшего детства перроны.
Я, как прежде, иду вдоль аллеи,
Снег приятно скрипит под ногами.
Я любовью к природе болею,
Ведь она как желанная дама!

СКУКА

Полынью горькой на душе досада...
А скука трется мордой о плечо.
Никчемность, пустота – страшнее ада
И внешний фактор вроде ни при чем.
Наверно, одиночество бунтует,
Толкает в спину к шумным кабакам.
Идти иль нет? – Мне разум не втолкует,
Как не зальет тоску вина стакан.

Ты прав, мудрец, что только время лечит.
Уйдет тоска, чтоб докучать другим.
А я возьму любимую за плечи
И буду ею пламенно любим!

СОСЕДКА

Опять веселье – слышен смех соседки
Под радостные выкрики гостей,
Играет музыка, а с плачем голос детский
Пытается унять накал страстей:
– Мне завтра в школу! Мама, можно тише!
Я так устал, и братик хочет спать, –
Но пьяная толпа его не слышит,
Не слышит и хмельная в стельку мать.
Но кто-то среагировал и матом,
Загнул в три этажа и стал кричать:
– Заткнись, щенок, займись-ка лучше братом
Да спать его попробуй укачать.
Я был готов унять за стенкой хама,
Кипела злость, ходили желваки.
Но кто я есть, ведь с ними рядом мама,
Бессильны в частной жизни кулаки.

ГОРОДСКАЯ СУЕТА

В Прокопьевске я, словно рак в реке,
Барахтаюсь на дне в струе потока,
Где жизнь бурлит в замедленном нырке –
За сорок миль отплыла от истока.
Здесь всюду досаждает суета,
Из заводей теснят судак и щука.
Здесь свой бомонд, тусовки и места,
Веселье кабаков и улиц скука.
Как все же зацепиться за кусты,
Чтоб всплыть повыше особей матерых,
В реальность воплотить свои мечты
И доказать гольянам красноперым.

Ведь я такой, поистине, как все,
Вот только лишь чувствительнее к слову,
Но жизнь не примеряю к колбасе –
Прислушиваюсь к внутреннему зову.
Меня зовут другие города,
Но нет роднее в мире, чем Прокопьевск.
Я уезжал, но приезжал сюда,
Где предков неисчерпанные копи!

КРЕЩЕНИЕ

П. Ломковой

У храма в Елыкаево шептала мне трава,
Когда я к ней прислушался, то разобрал слова,
Что здесь, перед обеднею, под сводом куполов
Крестили кроху-девочку с глазами васильков,
Что солнце улыбалось и тишина была,
Пока не возвестили о сем колокола,
Что нареченной Полюшкой ей жить свой долгий век,
Она не просто Поля, а божий человек!

ГОРЖУСЬ ТОБОЙ...

К 60-летию Кузбасса

Индустриальный, трудовой Кузбасс,
Горжусь твоею доблестью шахтерской,
Ты трудности испытывал не раз,
И одевал на фронте гимнастерку,
Обогревал другие города,
Варил броню, и хлеб насущный сеял,
А для врага грозою был всегда,
Уверенностью – в обществе и семьях!
Твои герои в памяти людской,
На их примерах учат поколенья,
Они в истории – отдельною строкой
Записаны, где имена не тленны.
Есть земляки, которые живут,
Их бюсты жизнь исполнила в граните.

Леонову, Волынову – салют!
Они от нас шагнули до орбиты.
Индустриальный, трудовой Кузбасс,
В тебя мы верим, а дела за нами,
Ты маленькая Родина для нас,
Где в небе триколором реет знамя!

НА ЗЕМЛЕ КУЗБАССКОЙ

На земле Кузбасской,
Где шумят березы,
Где шахтер с опаской
Смотрит на копры.
Вышел парень в поле,
Вытирая слезы,
Не сдержав от горя
Слабости порыв.

Он присел к ромашке,
Сам чернее тучи,
Расстегнул рубашку
И упал на луг.
Ведь вчера на шахте
Был несчастный случай,
Где погиб на вахте
Самый лучший друг.

Горькою полынью
Обжигает губы,
Угольною пылью
Пахнет сон-трава,
Молотком отбойным
Бьет в виски звон трубный,
В мыслях неспокойно –
Кругом голова.

На земле Кузбасской,
Где шумят березы,
Где шахтер с опаской
Смотрит на копры.

Вышел парень в поле,
Вытирая слезы,
Не сдержав от горя
Слабости порыв.

ПРОХОДЧИКИ

Кузбасский город погасил огни,
А утром на-гора не вышла смена.
Живьем в завале сгинули они –
Ревет в душе шахтовая сирена.
Припев:
Проходчик Пашка, наливай полней,
Мы выпьем горькой, чтобы полегчало,
И будем помнить до скончанья дней
Своих друзей, кого не досчитались!

Их ждут домой – у каждого семья.
Они, как все, достойно жить хотели.
Идут друзья, ногами семеня,
Еще одно несут в палатке тело.
Припев.

Ему от роду только двадцать семь.
Жена и сын за миг осиротели.
Ушел от них кормилец насовсем –
Земля, как говорится, опустела.
Припев.

Рыдает у копра седая мать,
У ней уже не теплится надежда,
Что будет сына на крыльце встречать,
Улыбчивого, статного, как прежде.
Припев.

Кузбасский город флаги приспустил.
Никто живым не выбрался из плена.
Сдержать слезу мне не хватает сил –
Ревет в душе шахтовая сирена.

КАЛЕЙДОСКОП ПОЗДРАВЛЕНИЙ И ПОЖЕЛАНИЙ

ОДА

А. В. Учителю

Он начал верно, с ноты «до»,
Свой трудовой путь в автобазе.
Склепалась жизнь, как фирадо, –
Стал дальнобойщиком на МАЗе.
Затем механика хомут
Надел на шею и работал,
Хоть было трудно воз тянуть,
Он, как портной, машину «штопал».
Потом колонну принял он
И по-хозяйски начал править,
Был для других как эталон,
Слыл справедливым, сеял правду.
Шло время, но пришла беда –
Отец его ушел в мир бренный.
Сын заменил его тогда
И, думаю, шаг сделал верный.
Он пережил шквал перемен
И победил в нем дикий рынок.
Простой мужик, не супермен,
Который просто в деле прыток.
Кто он такой? Вот мой ответ:
Обычный киселевский житель.
Директор, сильный человек,
С фамилией простой: Учитель!

* * *

Родился человек – зажглась звезда на небе
В кромешной тишине, под знаком Близнецов.
Теперь бегут года, несутся, словно в небыль,
И перегнать хотят созвездье Гончих Псов.
И пусть они летят – Учитель снова с нами,
Красивый, молодой, еще в расцвете лет.

Он – Толик для друзей – мы это каждый знаем.
В словах не описать души его портрет.
Желаю от души здоровья и удачи,
Земной тебе поклон, пусть сбудутся мечты,
Пусть в жизни как по маслу решаются задачи,
Пусть солнце улыбается, а чаще солнца – ты!
Ваш юбилей – калач, годами тертый,
Ваш юбилей – всеобщая забота…
Ваш юбилей сегодня – две «пятерки»:
Одна – за жизнь, вторая – за работу!

* * *

Женщинам ПСП

Успехов в жизни вам – больших и разных!
Пусть будет вечно ваша жизнь красна!
Улыбкою венчая женский праздник,
Прелестны будьте, как сама Весна!
И пусть дурным, обидным, горьким словом
Душа не будет тронута ничья.
Пусть каждый день все в жизни будет новым,
Но будут рядом старые друзья!

* * *

Женщинам России

Пусть же счастливым будет каждый год!
Пусть же душа не ведает печали!
Пусть алый парус к пристани причалит!
Пусть в сердце песня лучшая войдет!
Желаю вам и дальше хорошеть,
Жить и любить – с размахом и азартом!
И пусть у вас всегда звенит в душе
Капель весенняя и День восьмого марта!
Так пусть же будут светлыми мечты,
Но пусть не будет радость быстротечной…
Пусть вашей юности любимые цветы
Вас хороводом окружают вечно!

* * *

Пусть идет стороной усталость,
Пусть душа обретает смелость:
Шестьдесят – далеко не старость,
Шестьдесят – это только зрелость!

* * *

Пусть над садами, скверами и парками
Кружит снежинок мирный хоровод!
Пусть Дед Мороз приходит к вам с подарками
Не только в праздник, а весь новый год!

* * *

Желаю вам от сердца и души,
Чтоб в вашем доме был всегда достаток,
Успехов в жизни – малых и больших,
Ну и, конечно, правнуков десяток!

* * *

Судьба – машина: жми на газ!
Акселератор – до отказа.
Пусть за баранкою у вас
«Кирпич» не встретится ни разу!

* * *

Что пожелать вам, молодежь?
Свершений – миллион:
Ведь каждый день чего-то ждешь
И веришь в сладкий сон…

* * *

Да будет небо голубым,
В семье – легко, светло и тихо,
Ни черт, ни Бог, ни Бога мать
Не ведают, где будет лихо.

* * *

Женщинам прокуратуры

Слова идут из глубины души:
Вы – наши женщины – бесспорно хороши!
Так хороши, что нам сказать охота:
«Ничто в сравненье с вами позолота!
Ничто в сравненье с вами бирюза,
И – вообще – любые краски мира!
Весь мир – он в ваших светится глазах –
Вы выше и светлей вершин Памира!

* * *

Вы никогда в труде не подводили,
И ваших добрых дел не перечесть!
Спасибо Вам, что Вы такою были,
Спасибо Вам, что Вы такая есть!

* * *

Пусть праздник осенний придет для тебя,
Как светлый, багряный рассвет.
Желаю от сердца, желаю любя:
Живи еще столько же лет!

* * *

Вы всегда были в деле стойким,
Послужили трудом Отчизне!
Пусть еще «намотает» столько
На спидометре вашей жизни!

* * *

Я желаю вам без прикрас,
Совершенно определенно:
Пусть всегда на пути у вас
Светофор будет лишь зеленый!

* * *

Н. Н. Полтавскому

Вам купол парашютный был как друг.
Вы коршуном спускались с поднебесья.
Теперь Вы выбрали шахтерский тесный круг
И Ваша жизнь сложилась, словно песня!
Вам сорок пять – ну что за времена?
Вам сорок пять – ну мелочь, извините, –
Всего лишь означает жизнь в зените,
Так что держитесь крепче в стременах.
Где бил родник – пусть бьет теперь фонтан,
Фонтан любви – большой, неповторимый!
Пусть зацветет в душе у вас тюльпан,
Который Вы взрастили для любимой.

* * *

С. Сидорову

Ваш средний возраст, в некотором роде,
Для полной веры малость сложноватый:
По-прокурорски – пенсионный вроде,
А вот на вид – поверить трудновато!
Я в этот день желаю как себе
Больших и малых радостей в судьбе!
Успехов новых! Вешних дней погожих!
Здоровья – прежде! Нет его дороже!
Пусть грянет в небо фейерверк огней
Душевной силы – вечной и нетленной!
Желаю столько в жизни светлых дней,
На сколько солнца хватит у Вселенной!

* * *

Женскому коллективу
«Сельской нови»

Я – март! Я ваш весенний праздник!
Я – день восьмой и вечный день!
Успехов вам – больших и разных,
И пусть не хмурит лица тень.
Пусть песня сердце переполнит
Любимым, близким, дорогим!
Я – март! Я ваш весенний полдень,
Я – ваш рассвет и вечный гимн!

* * *

Соседям

Извилистой тропинкой между елей
Ползет с востока змейкой Новый год,
А следом снег ложится белый-белый,
Как будто в старом не было невзгод.
Все с чистого листа писать придется,
Когда пробьют двенадцать раз часы,
Когда в руках шампанское взорвется,
Когда макну в него свои усы.
К ним приложу салфетку-промокашку
И напишу горячим языком:
Давайте выпьем следом по рюмашке,
Чтоб счастье постучалось в каждый дом!

* * *

Супругам Моськиным

Метель кружится в ритмах Мендельсона,
Ковры из снега стелет молодым,
А ветры, будто стрелы Купидона,
Пронзают и поют на все лады.
Сегодня Александр и Светлана
Соединили души и сердца.
Союз их чист, как донышко стакана,
И очень крепок, как любовь Творца.
Да будет так – отныне и вовеки!
Пусть слово «горько» – сладким будет им!
Пусть две судьбы сольются, словно реки,
Как Лена и приток ее Витим.
Метель кружится в ритмах Мендельсона,
Ковры из снега стелет молодым,
А я стою, как важная персона,
От радости и счастья пьяный в дым!
Весне под стать светите сами,
Как вечно юная Весна!
Пусть встретит вас Весна цветами
И будет ваша жизнь красна.

* * *

Г. И. Лихоманенко

Пройден тобой уже в полвека путь.
Стареем, друг, лишь август вечно молод.
Нам не понять земной природы суть,
Как пыл любви и ненависти холод.
Но это философия, а нам
Нужней здоровье, счастье и удача,
Чтоб возвести в душе свой прочный храм
И быть духовно чище и богаче!
Тебе желаю, прежде, не стареть,
Семейного тепла и много денег,
Живи на радость до скончанья лет,
Не покидая свой родимый берег!

* * *

Н. М. Карпову

Года не измеряются шагами,
Хотя ты, друг, полвека прошагал.
Определить путь можно лишь делами –
Без всяких мер, шаблонов и лекал.
Мы все, конечно, в жизни что-то стоим,
Но жизнь бесценна и у всех одна.
Пока живем, в запарке счастье строим,
Дорога жизни по делам видна.
Тебе желаю я здоровья прежде,
Удачи и душевного тепла,
Чтоб не терял ты веру и надежду,
Чтоб светлая любовь с тобой была!

* * *

С. Г. Иткулову

Полвека где-то в прошлом, позади,
Как трудодни, подсчитанные годы,
Но ты черту, дружок, не подводи –
Живи до ста счастливый и свободный!
Ты вспомни, Салават, сейчас себя,
Как в жизнь шагнул с уверенностью, в ногу.
Прокопьевский район взрастил тебя,
Крапивинский район нашел дорогу.
Был юным комсомольским вожаком,
Парторгом и директором совхоза.
Был самым первым – возглавлял райком –
Вот толика тех дней и жизни проза.
Не должность красит место, а твой труд,
Порядочность, уменье, вера в дело.
Твои дела иному нос утрут,
Впредь созидай, берись за дело смело.
Пусть «Облпотребсоюз» живет века,
А с ним и ты – здоровья вам, удачи!
В знак искренности – вот моя рука,
Сожми ее, коль нет у дружбы сдачи!

* * *

К. Ю. Мосиной

Еще в пути неведомы дороги,
Счастливого пути, мой юный друг!
Иди вперед, смотри себе под ноги,
Удачу, шарм не выпускай из рук.
Будь выше всех не только, скажем, ростом.
Будь интеллектом выше всех-всех-всех,
К насмешкам надо относиться просто –
И будет гарантирован успех.
Желаю, Катя, я тебе здоровья,
Пусть сбудутся желания, мечты,
Пусть все к тебе относятся с любовью,
Пусть окружают нежность и цветы.

* * *

Л. А. Мосиной

День-то какой – именины у Вас!
Круглую дату день вывел узором.
Даже снежинки танцуют свой вальс –
В честь юбиляра – с особым задором.
А в Скорпионе сегодня звезда
Светит, как солнце, весь мир озаряя.
Милая людям она все года,
Имя Людмила ей дали не зря же.
Так пожелаем ей вечно светить,
А имениннице – счастья побольше,
Чтоб не болеть и до ста лет дожить,
Радуясь жизни как можно подольше.
Веером вверх разложите года
И отгоните от сердца усталость,
Пусть Вас покинет она навсегда
Так, чтоб следов от нее не осталось!

* * *

В. И. Ситникову

Седовласая прическа – мудрость невозвратных лет –
С искрометною улыбкой дополняет Ваш портрет.
Статность, живость разделяют спорный возраст пополам,
А тактичность усыпляет и волнует милых дам.
Пятьдесят с пятью годами – это вовсе не про Вас.
Мы друзья, конечно, знаем, что виновник – суперкласс!
Посему желаем счастья и здоровья на века,
Чтобы смог легко и просто за рога свалить быка!

* * *

В. Г. Котельникову

Три четверти столетья пролетели,
Но это не рубеж и не предел.
Наш юбиляр здоров, красив и в теле,
Всегда в работе, в гуще важных дел.
Пусть старость его долго не догонит,
Пусть радость наполняет счастьем грудь,
Пока несутся к цели годы-кони
И в душу не запала злая грусть.
Желаю имениннику здоровья,
Удачи вволю и всех благ земных.
Пусть будет жизнь наполнена любовью,
А каждый день добавит новизны!

БУКЕТ СТИХОВ

Ю. Мосину

Нам время не догнать, не перегнать.
Оно несется пулей в неизвестность.
Куда? Зачем? Приходится гадать:
Нас – в никуда; себя, наверно, в вечность.
Как часовая мина наша жизнь.
Когда взорвется? Где? Никто не знает.
Зубами, говорят, за жизнь держись,
Второй такой уж точно не бывает.
Оно, конечно, может быть, и так,
Когда живем, не думаем об этом.
Идут года под мирное тик-так,
Зима – зимой, а лето – это лето.

Живем кто как и даты отмечаем
Иль прожигаем молодость дотла,
Судьбу клянем и молнии метаем,
Черпнув не то из общего котла.
Хотелось меду, а достался деготь.
Кругом черно, а будни – сущий ад.
Все вроде так, но не укусишь локоть,
Жизнь – бурелом, а не цветущий сад.
Здесь надо взвесить все, потом решиться,
Хорошее, что было, сохранить,
За счастье еще раз с судьбой сразиться,
Коль нужно – чашу горькую испить.

Боимся возраст подлинный признать;
Мы зеркалу не верим почему-то,
Отсутствие румянца – первый знак,
А от морщин и вовсе душу мутит.
И седина, как в сердце острый нож,
Спать не дает, и мы себя изводим.
На принца в сорок кто из нас похож?
Нельзя у жизни отобрать поводья.
Но все же хочется маленько для души
Земной любви от женщины красивой,
Чтоб затеряться с ней вдвоем в глуши,
В глубинке, на краю родной России.

Быть вечно молодыми мы мечтаем.
Все оттого, что хочется летать,
Парить, порхать, кружить, как птицы, стаей
И неизменностью во внешности блистать.
Петь соловьем, орлом вздыматься в небо
И в воздухе купаться каждый день;
Чтоб был достаток всем и вдоволь хлеба,
Чтоб не легла на нас проклятья тень.
Мечты – мечтами, мысли, словно пули,
Очередями бьют в сознанье нам.
Как дальше жить, коль жизнь нам кажет дулю?
Как различить, где правда, где обман?

Костром горим, пока есть в теле жар,
Раскидываем искорки повсюду,
Чтоб в черствых душах полыхал пожар,
Чтоб мир не видел Каина, Иуду,
Чтоб нашим детям не встречалось зло,
Чтоб счастливы в дальнейшем были внуки,
Чтоб спорилось во всем нам и везло,
Чтоб почитались трудовые руки,
Чтоб старость уважали все вокруг,
Чтоб не было войны и катаклизмов,
Чтоб человек был человеку друг,
Чтоб не воскресло логово фашизма.

К истории относимся спокойно
Мы оттого, что не коснулось нас
Лихое время, что зовется бойней,
Где смерть – игра, а жизнь – ничтожный шанс.
Кто сможет сгинуть в горле амбразуры,
Заткнув собой ей огненную пасть?
Кто сможет с ходу, не жалея шкуры,
На заградительную полосу упасть?
Я думаю, смогли бы мы так тоже
Себя в боях с врагами проявить.
Вот и сейчас, года свои итожа,
Нам совесть не дает иначе жить.

Ушли года, прошла весна, а жаль.
Жаль время, то, что прожито напрасно.
Читает совесть строгую мораль,
Все вроде так, но многое не ясно:

Кому шестерки, а кому тузы
Жизнь раздает налево и направо.
Кто вверх ползет, а кто летит в низы.
Будь справедливым с нами, Боже правый!
Сейчас мы пластилин в руках чужих,
Из нас лепилы лепят манекены.
Я верю в то, что где-то есть мужик,
Который сможет Русь поднять с коленей.

Одно не жаль, что жили мы достойно,
Трудом крепили мощь родной страны,
Где не под силу проявляли стойкость
И делу были до конца верны.
На Севере мы золото искали,
Песчинки мыли в ледяной воде.
Киркой на БАМе пробивали скалы.
Тогда за труд ценили нас везде.
Не захребетниками были, есть и будем.
Потомки, верю, не осудят нас,
А если что – по совести пусть судят.
Что не зачтут, то Бог за все воздаст.

Так проживем еще хоть сорок лет,
Была бы цель, мы к ней пробьем дорогу,
Плохим привычкам твердо скажем нет,
К беспутной жизни отнесемся строго.
Мы будем продолжать вершить дела
Старательно, по-творчески, с задором,
Чтоб раньше лень в могилу не свела,
Чтоб не пришла к нам старость очень скоро.
Пусть говорят, что голова седа.
Пусть бес в ребре нам не дает покоя.
А впрочем, возраст – это не беда.
Кто видел все, тот знает, что такое...

Пусть осень жизни будет из букетов,
Где наши дети – первые цветы,
Благоухающие в таинствах планеты
Под сказочным покровом красоты.
Кто всех дороже нам на белом свете?
Кто нашими глазами смотрит вдаль?
Конечно, это крошки – внуки, дети –
Любовь, надежда, вера и печаль.

Мы видим в них свое отображенье,
Свои привычки, жесты, норов, нрав.
Лелеем, любим с самого рожденья,
Не выдавая им душевных ран.

Пока же, лето зрелости, привет!
Жизнь впереди, а дети – наше счастье,
На смысл бытия их жизнь – ответ.
Без них она была бы так, отчасти.
Привет, любовь – основа всех начал.
Привет, надежда – хрупкая подруга.
Привет, семья – наш жизненный причал,
А вместе с тем и крепкая подпруга.
Привет, твердыня-вера, как алмаз.
Привет, судьба – фартовая монета,
Ты разная бываешь, как топаз,
То одного, а то другого цвета.

А это значит, песнь души не спета:
Играй, гармонь, про вечную любовь
Веселые, задорные куплеты,
Чтоб память всколыхнула чувства вновь,
Чтоб разлилась под музыку душа,
Стихами выплеснулась о любимой,
Которая, как солнце, хороша
И, как звезда средь звезд, неповторима.
Чтоб сердце от земной любви зашлось,
Потом стучало, как капель весною.
Так на Руси в народе повелось:
Любить всерьез и страстно с силой новой.

Нам время не догнать, не перегнать.
Живем кто как и даты отмечаем.
Боимся возраст подлинный признать.
Быть вечно молодыми мы мечтаем.
Костром горим, пока есть в теле жар.
К истории относимся спокойно.
Ушли года, прошла весна, а жаль.
Одно не жаль, что жили мы достойно.
Так проживем еще хоть сорок лет.
Пусть осень жизни будет из букетов.
Пока же, лето зрелости, привет!
А это значит, песнь души не спета.

ЗИМА

Приход зимы пронзил меня насквозь
Добротной, снежной, нашенской метелью.
Попался в плен к ней и сказал: «Авось!»
Сибирь – она извечно с канителью...

ДЕКАБРЬ

Декабрь в рубашке белой
С зимою повенчался,
Уселся в сани смело
И праздновать помчался.
Пир закатил с размахом.
Три дня Сибирь резвилась.
Метель – седая сваха
Там пела, веселилась.
Снежинки на полянке
Водили хороводы...
Кто пропустил гулянку,
Тот сидень от природы!

ЯНВАРЬ

Тройка мчит во всю прыть по стране,
Колокольчики слышно окрест.
Снег, мерцая, блестит при луне.
Время шлет новогоднюю весть.
Восседает на козлах зима,
Распустила свой волос седой,
Складно правит вожжами сама,
У нее коренной – молодой.
Молодой – белой масти январь
По сугробам несется к весне.
Вот и все... Счет открыл календарь.
Ночь, как лед, растворится в вине.

Будет утро, как, впрочем, всегда.
Смолкнут песни, окончится бал,
И на елке погаснет звезда,
Взглянет день в недопитый бокал.

ФЕВРАЛЬ

Ослабели крутые морозы.
Дни заметно на прибыль пошли,
Но зима шлет, как прежде, угрозы –
От бессилья лютует, шалит:
То метели лихие напустит,
То закрутит из снега спираль,
То предастся неистовой грусти,
То за службу ругает февраль...

ВЕСНА

Весна пришла! Скворцы, грачи
Вернулись в черных фраках,
А лед в реке, как дед, ворчит
На цвета вешний запах.
Да так ворчит, что берега,
Гляди, и разбегутся
И вздыбится, как конь, река –
Льдин удила порвутся.
И понесется ледоход
Весне моей навстречу,
Так будет впредь, из года в год.
Жаль только, я не вечен.

МАРТ

И снова март... Весне в душе не спится:
Оттаяла и рвется на простор.
Ее не удержать, пусть с Богом мчится,
Она стремительней, чем в небе метеор!

АПРЕЛЬ

Плачут крыши в сугробы, как бабы в платок,
Выбивая земную капель.
Здесь вчера ручеек взял из лужи исток
И сказал: здравствуй, добрый апрель!
Он помчался по склону, веселый такой,
Только слышен был звон говорка,
А затем под горой повстречался с рекой,
Слился с нею под песнь ветерка.
Он исчез навсегда, и его не вернуть,
Грусть прошла – веселее капель!
Нынче сто ручейков повторят этот путь –
Будет смехом наполнен апрель.

МАЙ

В небе солнышко светит добрей,
Теплым взглядом ласкает меня.
Я стою, как засохший репей,
Вспыхнуть рад от любви иль огня.
Это май сердце жжет, бередит,
Почкой клена мне выстрелил в грудь.
Хорошо, что живу не в кредит,
Май – отрада, утеха и грусть.

ЛЕТО

Лето – это где-то там в зените
По-над пляжем лучшая из женщин.
Вознеситесь к небу, позовите!
Пусть весь мир ей дружно рукоплещет.
Лето – это музыка рассвета,
Первый луч, ей в волосы вплетенный,
Той, которую назвал невестой
И в нее давным-давно влюбленный.
Лето – суть Галактики, где звезды
Именами названы в честь женщин.
Мне в пути одна нужна как воздух –
Я с такой земной звездой повенчан!

ИЮНЬ

Люблю июнь – страницу лета:
За ласку солнца, теплый дождь,
За свежесть утренних рассветов,
За молодую в поле рожь,
За огоньковую полянку,
За снег, летящий с тополей,
За ночь, игравшую в молчанку,
За запах лиственных аллей,
За ветер нежный и игривый,
За смех кукушки в поздний час,
За небо с облачною гривой,
За все, что дорого для нас!

ИЮЛЬ

Румян июль клубникой спелой –
Божественны и цвет, и вкус.
Но время мчит оторопело,
Дни пролетают чайкой белой,
И машет вслед янтарный куст…

АВГУСТ

Холодней, обильней стали росы.
Ласточки собрались в дальний путь.
Отцвели, завяли в сердце розы.
Грустно мне чего-то, впрочем, пусть.
Это август занял трон и правит,
Золотит поля, то шлет дожди.
Жухнет лист, и вянут быстро травы –
От природы милости не жди.
Угасает лето, угасает,
И купальный кончился сезон.
Журавли сбивают в клинья стаи,
Оставаться, видно, не резон.
Не хочу, а все же остаюсь я
Вместе с воробьями, вороньем.
Дни, как кони к финишу, несутся.
Появилось первое жнивье.

ОСЕНЬ

Запестрила осень, красками играя,
Пахнет воздух чистый прелою травой.
Нет просторней, краше мне родного края
С его русской сказкой для души живой.
По таежным тропам ветерок гуляет.
Он, когда в досаде, озорник и плут:
У березок стройных плечи оголяет
Или будоражит по соседству пруд.
У осин ветвистых кудри расплетает
И теребит травы, словно гребешком,
То угомонится, то стрелой летает,
То гуляет будто по полям пешком.
Как приятно ветром стать хоть на мгновенье,
Прикоснуться нежно к каждому листу,
Окунуться смело в бурю вдохновенья
И схватить удачу прямо на лету!

СЕНТЯБРЬ

Чудачит осень, вновь пришла жара.
Сентябрь нанес на листья чудо-краски.
Еще невзрачным лес стоял вчера,
Сегодня – позолоченный, как в сказке.
Ах, прелесть-осень, взгляд не отвести…
Но лучшею мне кажется рябина:
Поникли ветви, но как на весы
Развешивают ягоды-рубины.
Что с климатом творится в этот год?
Спрошу себя и мучаюсь с ответом.
Похоже, время сбавило свой ход,
Чтоб насладиться вволю бабьим летом.

ОКТЯБРЬ

Рвет октябрь листву золотую
И под ноги бросает, как сор.
Я стою и с погодой флиртую,
Подпирая у сада забор.
Слышу, песни поет буйный ветер
Про просторы сибирской земли,
Про тепло у печи в зимний вечер,
Про коварство и близость зимы.

НОЯБРЬ

Ноябрь в Сибири – далеко не осень,
А ранняя проказница-зима.
Здесь холодно бывает очень-очень,
Увидеть можно девушек в пимах.
Метель тут завывает на задворках,
Как ночью волк на бледную луну.
Поземка, будто рыжая воровка,
Метет хвостом, чтоб скрыть свою вину.
Вину за то, что обокрала осень,
Лишив достойной старости ее,
За седину снегов и неба просинь,
За то, что поросло давно быльем.

«РЕДАКЦИЯ»

БАСНИ

БЕЗНАДЕГА

Домашний гусь решил лететь на юг,
Но зажирел – не смог подняться в воздух,
Собрал весь двор и прошипел: «Каюк!
В ощип я попаду, а не на отдых».
Заржала лошадь: «Эдакий глупец,
Железною дорогой отправляйся,
Спроси кота: он в этом деле спец –
Не раз с Матреной на юга мотался».
«Что посоветовать вам, милый юный друг? –
Василий замурчал без остановки. –
Какая разница вам север или юг? –
Гусям хоть где не миновать духовки».
Мораль: Чтоб прожить дольше –
Не жируй так больше!

И НА СТАРУХУ БЫВАЕТ ПРОРУХА

Сказала мудрая сова сороке вещие слова:
«Ты до мозгов воровка, воруешь очень ловко.
Придет к тебе расплаты срок,
Получишь на всю жизнь урок».
Ответила плутовка: «На все нужна сноровка.
Тащу я все, что днем блестит или что плохо где лежит,
Улики прячу далеко, найти их будет нелегко».
Но сыщик-грач ее припер, арест наложил прокурор,
Суд огласил ей приговор: отправить птаху под топор.
Мораль: Не воруй!

АНТИПОДЫ

«Я во дворце живу, – пролаял грубо дог, –
Хожу с хозяином на царскую охоту,
На мне из золота ошейник, поводок,
Здоров, ухожен, сыт и окружен заботой».
Ему ответила дворняга, гавкнув так:
«Богат, но глуп, сэр Грэй, хоть знатного ты рода.
Я знаю точно, что собачья жизнь – пятак –
Не золотая цепь в ней ценность, а свобода!»
Мораль: Каждому свое.

ДУЭЛЬ

Сцепились два кота – шерсть клочьями летела,
А кошка томно на дуэль глядела.
Не выдержал один и вдарил стрекача,
Вслед победитель, видно, сгоряча,
А Мурка промурлыкала, мурча:
«Вот дураки! Кому досталась? Чья?»
Мораль: Договориться можно полюбовно.

МОШЕННИКИ

Плачет теленок по маме в загоне:
Ветврач с зоотехником – воры в законе.
Списали, как падаль, любимую маму.
А сами продали – набили карманы.
Мораль: Обезличили и обналичили.

ЗАНОСЧИВОСТЬ

Однажды сдуру понесло хохлатку:
Нести я буду только яйца всмятку.
Смотрел неделю на куру Егор,
Взял и пустил глупышку под топор.
Мораль: Будь собой.

ЗАКОН ПРИРОДЫ

Змея на пне от солнца разомлела
И, засыпая, прошипела:
«Я, кажется, мышатины объелась,
Желудок от обильной пищи взбух».
Когда в истоме бдительность иссякла,
Приснилась ей немая жертвы дрожь...
Проснулась, встрепенулась и обмякла –
На этот раз ее прищучил еж!
Мораль: Не зевай!

И ШКУРА, И МЯСО

Застыл козел, как в миске холодец,
Дрожит всем телом, испугался волка
И думает: «Настал черед – конец.
Да разве это жизнь? Кошмар и только!..»
Но грянул выстрел, словно с неба гром,
Сраженный волк упал, откинув лапы.
Козел от радости проблеял: «Поделом,
Фортуна благосклонна нынче к слабым».
Спаситель передернул вновь ружье,
Прицелился, стрельнул и... ё-моё!
Мораль: Не радуйся наперед.

ОБЛИК МОРАЛИ

«Вы слышали? – прокаркала ворона, –
Как плакала жалейка на лугу,
Как разносились по округе стоны,
Как филин утешал ее: "У-гу"?!»
«Фью-фью, фью-фью, – вьюрки защебетали, –
А что случилось? Что у ней стряслось?»
Дрозды, как заводные, затрещали:
«Ее гнездо свалил на землю лось».
«Какое горе!» – чивкнули синички,
Рядком расположившись на суку.
«Да разве это горе? Что вы, птички!» –
Раздалось беззаботное «ку-ку»...
Мораль: Отсутствие морали.

СТУКАЧКА

На ухо председателю колхоза
Мычит корова, опустив глаза:
«На ферме запах скверный от навоза».
«На то и ферма», – он в ответ сказал.
«Корма воруют», – всхлипнула корова,
Не удержав правдивых, горьких слез.
«Не верю, – буркнул он, – тебе, ни слову.
Откуда же тогда в хлеву навоз?»
Мораль: Нестыковка.

ПРИСТАВАЛА

«Я – тварь навозная, своя, колхозная», –
Жужжала муха Фоме на ухо.
Он свел ладошки, развел – лепешка.
Погибла муха – приятно уху.
Мораль: Достала.

ПОДХАЛИМ

«Какая стройная фигура
И утонченная натура! –
Лисице заяц заливал. –
Я так влюблен, дрожу от страсти,
Судьба моя у вас во власти».
А сам в сердцах: «Что за напасти?
Не оказаться б в рыжей пасти», –
Махнул за куст и драпу дал!
Мораль: Со страху что угодно наговоришь.

ГРАФОМАНКА

«Люблю стихи, – проквакала лягушка,
Продекламировав двустишие, – ква-ква.
Я даровитая, ну скажем так, как Пушкин,
Меня, клянусь, признает вся Москва».
Все лето графоманией болела,
А осенью к Пегасу охладела.
Мораль: Стихи писать – не лягушачье дело,
Коль лед в душе и холодок от тела,
А в лексиконе только лишь «ква-ква».

РАКОЕД

Однажды хитрый полоскун-енот
Пересказал потешный анекдот:
«Сидит рыбак, а рыба не клюет,
Но он сидит и ждет, вдруг повезет.
Давно с крючка стащил наживку рак.
С фамилией Зевакин был рыбак».
Расхохотались раки на пруду,
Попавшись на словесную уду.
Мораль: Кому смех – слезы, а кому – обед.
Не расслабляйтесь, подпись: «Ракоед».

ДВУХВОСТКА

Двухвостка восхваляла муху:
«Какие крылья, лапки, брюхо,
Глаза большие в пол-лица,
Ну, просто ты – красавица!»
Попалась муха в паутину,
Двухвостка пишет вновь картину:
«Какая гадость, фу, акрида,
Глаза навыкат и нет вида,
Слепа была намедни я,
Противна мне ты, мумия!»
Мораль: А у людей наоборот,
Пока живой – тебя склоняют,
Умрешь – добром лишь поминают,
Или никак, закрыв свой рот.

СИЛА ЕСТЬ – УМА НЕ НАДО

«Умней, чем я, нет птицы на деревне, –
Сказал индюк по разуму братве, –
К тому же род наш индюшачий – древний –
Из знати мы, с павлинами в родстве».
«Чем хуже я? – прокрякала в тон утка, –
С турпанами мы вовсе кровь и плоть,
А царская династия – не шутка,
Мы утки – не отрезанный ломоть!»
«Как знать, как знать, – загоготали гуси, –
Нам лебеди – ближайшая родня...»
Тут встрял петух и закричал: «Клянусь я,
Не пропою – вы не дождетесь дня,
К тому ж умом, как вы, я не блещу,
Но заклюю любого, не спущу!»
Мораль: Дремучей нет красавицы тайги
И у кого куриные мозги.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3
Штурм магазина 6
Мягкая посадка 8
Мистика 9
Призрак с бородою 10
Поломка 12
Смешная цена 13
Курьезный случай.....14
Рыбалка 15
Поспешное решение 17
Обыкновенные воры 18
Жадность.....19
Змей Горыныч 20
Кретин 22
Розыгрыш.....23
Открытие купального сезона 24
Вещественное доказательство 26
Местный пикадор.....27
Попутчица 30
Командировка 33
Он пришел и ушел незаметно.....35
Хмурое утро 39
Черная метка 42
Особая охота на коз 45
Стихи.....50
Калейдоскоп поздравлений
и пожеланий 86
Забег 97
Времена года 102
Из жизни животных. Басни.....110

Литературно-художественное издание

Уланов Николай Николаевич

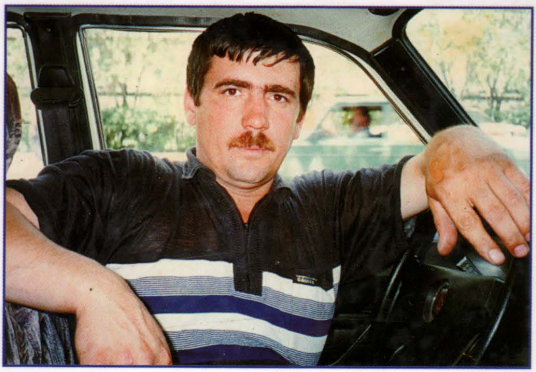
ПРИОТКРЫТАЯ ДУША

Юморески. Рассказы. Стихи

Редактор ***Н. В. Тиунова***
Технический редактор ***В. И. Труханова***
Корректор ***Т. В. Тулупова***
Рисунки автора

Подписано к печати 31.05.2005. Формат 84x108$^{1}/_{32}$.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,1. Тираж 500 экз. Заказ № 51

Издательство «Кузбассвузиздат». 650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7.
Тел. 58-34-48. www.kvi.bip.ru

Николай УЛАНОВ родился в 1960 году в семье железнодорожников. Шахтерский поселок Красный Углекоп г. Прокопьевска подарил ему детство и чуть-чуть отрочества. Молодость прошла в селе Сафонове Прокопьевского района, куда семья переехала после смерти отца. Получив среднее образование и профессию тракториста, Николай трудился на Сафоновской птицефабрике. Перед призывом на службу окончил курсы шоферов. Советская Армия закалила молодого человека и дала путевку в жизнь. После срочной службы он работает водителем на прежнем месте. Затем Николай уезжает на три года в район Крайнего Севера. По возвращении райком КПСС направляет северянина на новую работу – корреспондентом редакции газеты «Сельская новь». Успел побыть в шкуре коммерсанта-неудачника. Год проработал судебным приставом и снова ушел на шоферскую работу.

Это только вехи трудовой деятельности Н. Н. Уланова, между которых счастье и горе, успех и неудача, любовь и ненависть, находка и потеря. Но он не унывает, смотрит вперед, трудится и живет, не сгибаясь перед трудностями.